
Ирен Софи
Спорить можно — победить нельзя
18+

Ирен Софи

Спорить можно - победить нельзя

«Автор»
2026

Софи И.

Спорить можно - победить нельзя / И. Софи — «Автор», 2026

Я очутился в чужом теле и в чужом веке, где за шпагу хватаются по любому поводу, а здравый смысл считают едва ли не ересью. Денег у меня нет, связей тоже, а желания становиться героем и подавно, зато есть упрямый характер, привычка решать любые задачи и редкий талант оказываться там, где начинаются неприятности.Случайная встреча на дороге, и я уже по уши в дворцовых интригах, где самые ласковые улыбки прячут яд, а опаснейший человек королевства носит сутану. Рядом со мной три женщины, непохожие друг на друга, как огонь, лёд и тайна, и каждая способна свести с ума, а в придачу уверена, что я принадлежу только ей.Я собирался всего лишь выжить, а влюбился, причём во всех разом. Теперь на кону моя голова, честь королевы и сердце, которое наотрез отказывается выбирать.

© Софи И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 13
Глава 3 19
Глава 4 24
Глава 5 29
Глава 6 34
Глава 7 39
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Ирен Софи
Спорить можно - победить нельзя

Глава 1

Барон с мулом

Мул по кличке Карамболь сбросил меня в придорожную канаву именно тогда, когда я начал догадываться, что тело, трясущееся на его хребте по пыльному тракту, мне не принадлежит. Имя данного животного сама появилась у меня в голове. Догадка подбиралась исподволь, как налоговая проверка. Сначала я с удивлением разглядывал руки, сжимавшие повод: загорелые, узкие в запястьях, с жёсткими мозолями и с перстнем-печаткой, на котором растопырил крылья чёрный ворон. Руки менеджера по логистике Максима Уланова, которыми я пользовался всю прошлую жизнь, были бледнее, мягче и украшены разве что пятном от маркера на среднем пальце. Потом я обнаружил на себе камзол цвета пережаренного кофе, штаны до колен, сапоги с отворотами, шляпу с облезлым пером и шпагу, которая при каждом шаге мула больно хлопала меня по бедру. На этом месте мул решил, что с него хватит раздумий седока, взбрыкнул задом с изяществом балерины на пенсии, и я полетел через его голову прямиком в мутную воду.

Канава оказалась глубокой и обитаемой. Лягушки, на чьи головы я рухнул, высказали мне всё, что думали о моём появлении, и разбежались по камышам, а я остался сидеть по пояс в жиже, глядя на мула снизу вверх. Карамболь, серо-бурый, с ушами разной длины и с выражением морды, какое бывает у бухгалтера в последний день квартала, стоял на обочине и жевал чертополох. Во взгляде его раскаяния было примерно столько же, сколько совести у моего бывшего начальника.

— Ты мог свернуть мне шею, — сообщил я ему, выбираясь на дорогу и выжимая полу камзола. — Хотя тебе, судя по всему, это было бы только на руку, поклажи меньше, чертополоха больше, и никто не дёргает за повод.

Мул фыркнул так выразительно, будто прекрасно меня понял и полностью согласился с каждым словом.

Последнее, что я помнил из своей настоящей жизни, был корпоративный квест в клубе «Шпага и плащ». Наша менеджер Светлана решила, что командный дух укрепляется исключительно в костюмах, и весь отдел логистики нарядился в плащи с крестами, бутафорские ботфорты и шляпы с перьями из синтетического страуса. Мне досталась пластиковая шпага, которая гнулась от любого чиха, и роль «молодого провинциала, прибывшего покорять столицу». Я как раз поднимался на сцену, чтобы произнести клятву верности королю, сочинённую Светланой в стихах, когда носок ботфорта зацепился за удлинитель. Сцена ушла из-под ног, перед глазами промелькнул декоративный гроб, в котором по сценарию лежал отравленный граф, а дальше навалилась темнота. Из неё меня вынесло на спину мула посреди дороги, обсаженной тополями, под солнцем, которое пекло совершенно по-летнему, хотя квест проходил в ноябре.

Пока я соображал, как такое вообще возможно, в голове начали распаковываться чужие воспоминания, словно кто-то загружал на мой рабочий компьютер архив с обновлениями и забыл спросить разрешения. Тело, в котором я оказался, звали Максимильяном де Вороном. Барон, единственный наследник родового гнезда в провинции Гравуа, где гнездо состояло из дома с прохудившейся крышей, курятника, козы с дурным характером и фамильной гордости, которой хватило бы на целое герцогство. Матушка, провожая сына, рыдала в фартук и вручила ему баночку мази, излечивающей всё на свете, кроме глупости. Отец, старый барон, вручил кое-что посущественнее: напутствие, письмо и мула.

Напутствие я вспомнил дословно, потому что юный Максимильян повторял его про себя всю дорогу, как таблицу умножения. «Сын мой, никому не спускай обид, дерись по любому поводу, никогда не верь людям кардинала, держись подальше от женщин, которые много смеются, и упаси тебя Господь платить трактирщику вперёд». Последний пункт показался мне

наиболее спорным, остальные выглядели готовой инструкцией по скорейшему переселению на кладбище.

Письмо, завёрнутое в тряпицу, лежало во внутреннем кармане камзола. Адресовано оно было капитану королевских мушкетёров шевалье де Бракмону, с которым старый барон когда-то в юности делил походные котлы, долги и, судя по туманным намёкам, некую любвеобильную маркитантку. В письме отец просил принять сына на службу, обучить ремеслу и ни в коем случае не позволять ему жениться на дочерях кредиторов, потому что кредиторы Вороновых и так стоят в очереди до самой границы.

Мул тоже оказался частью наследства. Его отец вывел со двора с такой поспешностью, словно избавлялся от проклятия, и на прощание пробормотал: «Только не надевай при нём красное». Тогда юный барон не придал этим словам значения, а я, переварив их, решил запомнить накрепко.

Ещё в голове всплыла семейная легенда о Даре Вороновых, родовой способности, которой гордился каждый предок по мужской линии. По словам отца, Дар просыпался у мужчин рода в минуту смертельной опасности и позволял видеть намерения врага прежде, чем тот успевал их осуществить. У самого старого барона Дар проснулся лишь однажды, когда на него с вилами шла тёща, и спас ему жизнь, хотя после этого тёща ещё долго называла зятя колдуном. Юный Максимильян в легенду верил свято. Я, как человек, всю жизнь проверявший накладные, отнёсся к ней с профессиональным подозрением.

Последним открытием стал кошелёк. Я развязал шнурок, потряс им над ладонью, и оттуда выкатились медная монетка с затёртым профилем какого-то короля и пуговица от чужого жилета.

— Прекрасно, — пробормотал я, пряча богатство обратно. — Я попал в прошлое, в тело нищего дворянина, с мулом-психопатом и письмом к человеку, который, возможно, давно помер от собственных долгов. Светлана гордилась бы такой командной задачей и наверняка выдала бы мне за неё грамоту.

Прежде чем снова забираться в седло, я наклонился над лужей у обочины, чтобы оценить, в чьё лицо меня угораздило вселиться. Из мутной воды на меня глянул темноволосый молодой мужчина с упрямым подбородком, прямым носом и чёрными глазами, в которых провинциальная наивность ещё не успела выветриться. Волосы, собранные на затылке в хвост, растрепались после полёта в канаву, над губой темнела тонкая полоска усов, которыми юный барон, по всей видимости, очень гордился. В общем и целом лицо было вполне пригодным, и я решил, что с ним можно жить.

Карамболь, дожевав чертополох, подставил мне бок с видом великодушного победителя. Я забрался в седло, рассудив, что спорить с животным, которое гораздо тяжелее и злопамятнее меня, бессмысленно, и мы продолжили путь в сторону столицы, о которой я знал лишь то, что юный барон грезил ею с детства, а называлась она Лютецией.

Дорога петляла между полями, где колосилась рожь и паслись упитанные коровы. Крестьяне, мимо которых мы проезжали, кланялись моей шляпе, косились на мула и осеняли себя крестом, когда тот оскаливал крупные жёлтые зубы. Ближе к полудню мы нагнали телегу, на которой восседала дородная крестьянка в ярко-алом платке, повязанном поверх чепца. Я успел подумать, что платок очень ей к лицу, когда Карамболь издал звук, напоминавший разом рёв осла, гудок паровоза и проклятие пьяного боцмана, прижал уши и рванул вперёд, а мне оставалось лишь вцепиться в гриву и молиться.

Мул промчался мимо телеги с таким расчётом, чтобы сорвать с головы крестьянки платок зубами, развернулся посреди дороги, швырнул добычу в пыль и принялся топтать её с остервенением, достойным лучшего применения. Крестьянка, потеряв дар речи на краткий миг, обрела его вновь и высказала мне всё, что думала про мой род до самого прадеда, про мою матушку, про моего мула и про всё дворянство королевства вместе взятое.

— Сударыня, приношу вам самые искренние извинения от лица животного, которое, очевидно, ненавидит красный цвет сильнее, чем я ненавижу квартальные отчёты, — выдохнул я, поднимая растерзанный платок кончиками пальцев. — Боюсь, этот предмет туалета уже не вернуть к жизни, но могу предложить вам взамен компенсацию в виде пуговицы.

Пуговицу крестьянка не взяла, зато хлестнула мула вожжами по крупу, и мы с Карамболем ретировались с поля боя, сохранив остатки достоинства.

В придорожный трактир мы завернули, когда солнце стояло в самом зените и пекло так, что пот стекал у меня по спине ручьями. Хозяин, тощий мужчина с усами, свисающими до подбородка, вышел встречать гостя на крыльцо, вытирая руки о засаленный фартук. Я спешился, привязал Карамболя к коновязи подальше от красной вывески на стене и решил, что пора применять знания двадцать первого века.

— Любезнейший, мне нужна миска похлёбки, ломоть хлеба и ведро воды для мула, — начал я, доставая монетку. — Вот плата. Отдаю вперёд, чтобы потом не возникло недоразумений.

Трактирщик уставился на монетку так, будто я протянул ему дохлую мышь. Лицо его налилось краской, усы встопорщились, и он отступил на шаг, прижав ладонь к сердцу.

— Вы что же это, сударь, держите меня за жулика? — оскорблённо прогудел он на весь двор. — Я всю жизнь держу этот трактир, мой отец тут хозяйничал, мой дед заправлял, и никто из благородных господ ещё не позволял себе такого унижения! Плата вперёд, ну надо же такое придумать! Да за подобное в приличных домах вызывают на дуэль!

Посетители, коротавшие полдень за кружками, развернулись к нам с живым интересом, предвкушая развлечение. Я быстро прикинул, что дуэль с трактирщиком в первый же день новой жизни станет не лучшим началом карьеры, и спрятал монетку обратно.

— Прошу прощения, почтеннейший, в провинции Гравуа так выражают уважение к заведению, — нашёлся я, чувствуя, как по спине стекает уже совсем холодный пот. — У нас говорят: кто платит вперёд, тот верит в хозяйскую похлёбку больше, чем в собственную матушку.

Трактирщик подумал, пожевал ус, решил, что провинциалы все немного тронутые, и смягчился настолько, что лично проводил меня к столу.

Похлёбку мне принесли, и я, по привычке человека, выросшего на санитарных нормах, подошёл к бочке с водой у стены и тщательно вымыл руки, а заодно и лицо, на котором засохла канавная грязь. Когда я обернулся, в зале не раздавалось ни звука. Посетители замерли с ложками у ртов, трактирщица пятилась к двери, а седой монах в углу торопливо шарил по поясу в поисках чёток.

— Колдун, — прошелестел кто-то у окна. — Руки моет перед едой, да ещё и с мылом бы, наверное, мыл, будь оно у него.

— Это гравуанский обычай, и колдовства в нём ровно столько же, сколько в вашей похлёбке мяса, — успел возразить я, но монах уже окропил меня из фляги чем-то, подозрительно напоминавшим дешёвое вино, и громогласно прочитал молитву против бесов.

Похлёбку я доедал под неотрывными взглядами всего трактира, а когда покидал двор, вслед мне неслось осторожное перешёптывание о том, что гравуанские бароны, говорят, водятся с нечистой силой и купаются по воскресеньям. Карамболь за это время успел сжевать вывеску, до которой всё-таки дотянулся, встав на задние ноги, и вид у него был донельзя довольный.

Остаток дня я провёл в седле, разглядывая чужой мир и постепенно приходя к выводу, что здравый смысл здесь ценится примерно как бриллиант в куриной кормушке: вещь редкая, но никто не понимает, зачем она нужна. На мосту через речку я посоветовал стражнику брать пошлину с купцов по весу телег, а не по числу колёс, и стражник глядел на меня так, словно я предложил ему продать душу. У колодца в деревушке я заметил вслух, что воду из него лучше

кипятить, раз в него стекает всё, что выливают со двора, и местные женщины посмотрели такими взглядами, что я счёл за благо пустить мула рысью.

К вечеру тракт стал оживлённее, поля сменились рощами, а у самой развилки, где дорога сворачивала к столичной заставе, показалась таверна под вывеской «Жирный каплун». Нарисованный на вывеске каплун и правда был жирным, но выражение его клюва говорило о том, что смерть свою он встретил с достоинством истинного дворянина. Я решил, что заночую здесь, а с утра въеду в Лютецию, найду капитана де Бракмона и вручу ему письмо.

У коновязи уже переминалась с ноги на ногу целая вереница холёных коней под алыми чепраками. Карамболь, заметив их, задрожал всем телом, и мне пришлось тащить его в самый дальний угол конюшни, где сонный юнец-конюх за обещание будущей благодарности поклялся запереть его покрепче.

— Он у вас кусачий, сударь? — осведомился конюх, с опаской обходя мула по широкой дуге.

— Кусачий, лягачий и вдобавок ненавидит красное, так что не вздумай надевать при нём свой праздничный колпак, — предупредил я. — И ещё он умеет открывать засовы, так что подопри дверь чем-нибудь потяжелее.

Мул проводил меня таким взглядом, что я на мгновение пожалел алые чепраки и их владельцев.

В таверне было жарко, шумно и дымно. Над очагом, где на вертеле истекал жиром поросёнок, клубился чад, от которого щипало глаза, а за длинным столом посреди зала гуляли люди в красных плащах с белыми крестами на плечах. Память юного барона подсказала мне, что это гвардейцы кардинала, личная стража самого влиятельного человека в королевстве, о котором отец отзывался исключительно шёпотом и всегда сплёвывая через плечо. Судя по количеству пустых кувшинов, гвардейцы праздновали что-то с самого обеда, и праздновали с размахом.

Командовал застольем мужчина с усами, закрученными так лихо, что они напоминали рога барана, и с животом, на котором с трудом сходилась перевязь. Его называли лейтенантом Гуффе, и он громче всех запевал песню о добродетелях его высокопреосвященства. Добродетелей, по версии песни, у кардинала было столько, что на каждую уходил целый куплет, а рифмы к слову «высокопреосвященство» гвардейцы подбирали с изобретательностью, от которой вяли уши у поросёнка на вертеле.

Я заказал самое дешёвое из возможного, кружку разбавленного вина и миску бобов. Хозяйка, оглядев мой камзол и мокрые сапоги, поставила заказ на край стола таким жестом, словно подавала милостыню, но оплаты вперёд не потребовала, и я счёл это хорошим знаком. Место нашлось у стены, в полутёмном углу, рядом со столиком, за которым сидели три девушки в простых дорожных плащах.

Сначала я заметил их краем глаза, потом уже не смог отвести взгляда, и бобы в моей миске остыли, так и не дождавшись моего внимания. Ближайшая ко мне откинула капюшон до середины, и из-под него выбивались рыжие кудри такого насыщенного оттенка, что в отблесках очага казались медью, раскалённой в кузне. Она была крупной, полнотелой и сильной, из тех женщин, рядом с которыми мужчина либо чувствует себя мальчишкой, либо теряет голову целиком. Широкие плечи, округлые руки, под тканью которых угадывались крепкие мышцы, тяжёлые бёдра, занимавшие всю скамью, и грудь такой пышности, что дорожное платье на ней натягивалось до предела, а каждая петля шнуровки держалась на честном слове. Девушка ела мёд прямо с ложки, неторопливо облизывая её, и между делом раскалывала пальцами грецкие орехи из миски, просто сжимая их в кулаке, отчего скорлупа лопалась с сухим треском. Юное тело барона отреагировало на это зрелище с такой готовностью, что я поспешно придвинул к себе шляпу и пристроил её на коленях.

Рядом с рыжей держалась брюнетка, прямая, как клинок, с тонким бледным лицом, на котором застыло выражение снисходительной скуки. Перед ней стоял кувшин с водой, и она

отпивала из кружки маленькими глотками, не удостаивая песни гвардейцев ни малейшим вниманием. Пальцы, лежавшие на краю стола, были длинными, с коротко остриженными ногтями, и я, человек, далёкий от фехтования, всё-таки догадался по чужой памяти, что так подстригают ногти те, кто много держит в руках оружие.

Последняя из подруг, светловолосая, с лицом ангела, сошедшего с церковной фрески, читала маленький молитвенник в кожаном переплёте. Губы её шевелились, ресницы опускались на щёки, и всем своим обликом она излучала такую кротость, что на её фоне даже бобы выглядели закоренелыми грешниками. Правда, в какой-то момент мне почудилось, будто на странице, которую она перевернула, была картинка, где люди занимались делом, весьма далёким от молитвы, и занимались им в позе, которую я не встречал даже в интернете. Девушка так стремительно захлопнула книжку, что я решил, будто показалось.

Рыжая поймала мой взгляд, когда я в очередной раз скользнул глазами по её шнуровке. Щёки её даже не порозовели. Она улыбнулась уголком губ, опустила ложку в мёд, зачерпнула побольше и поднесла ко рту, не отрывая от меня глаз. Капля мёда сорвалась с ложки, упала ей на нижнюю губу, и она слизнула её кончиком языка так неторопливо, что у меня перехватило дыхание. Потом рыжая подмигнула мне и отвернулась к подругам с видом человека, который только что выиграл пари.

— Полина, прекрати дразнить провинциалов, — донёсся до меня ледяной голос брюнетки. — Он сейчас подавится бобами, а нам ещё не хватало трупа за соседним столом накануне въезда в столицу.

— Он не притронулся к бобам с того мгновения, как увидел меня, так что подавиться ему нечем, — промурлыкала рыжая. — И потом, должна же я убедиться, что в этой глуши ещё водятся мужчины, способные краснеть. В нашем фамильном замке, знаешь ли, даже лакеи краснели от моей красоты, а у Брассаков лакеев было больше, чем водостоков, и все водостоки, между прочим, отлиты из чистого золота.

Брюнетка закатила глаза так выразительно, что я едва не расхохотался вслух.

Песня за длинным столом оборвалась на очередной рифме к слову «высокопреосвященство». Лейтенант Гуффе, покачиваясь, поднялся со скамьи, расправил свои бараньи усы и двинулся в наш угол. Гвардейцы потянулись за ним, громыхая шпорами и пересмеиваясь, и я, ещё не сообразив толком, что происходит, ощутил, как по спине пополз неприятный холодок.

— Красавицы, его высокопреосвященство велит нам опекать путников на дорогах королевства, — провозгласил Гуффе, опираясь кулаками о стол девушек так, что кувшин с водой подпрыгнул. — Ночь тёмная, дороги опасные, а у нас наверху как раз пустуют комнаты, где очень удобно предаваться заботам о ближнем.

Его товарищи заржали, и кто-то из задних рядов добавил подробностей о том, как именно гвардия умеет утешать одиноких путниц, отчего светловолосая подняла глаза от молитвенника и смерила говорившего взглядом, полным христианского сострадания.

— Господин лейтенант, вы, кажется, ошиблись столом, — отозвалась брюнетка, не повышая голоса. — Мы путешествуем по личной надобности и в опеке гвардии не нуждаемся. Допейте ваше вино и возвращайтесь к своим куплетам, у вас осталась неиспользованной ещё уйма добродетелей его высокопреосвященства.

Гуффе побагровел. Видимо, женщины прежде не позволяли себе разговаривать с ним подобным тоном, и лейтенант не сразу нашёл, что ответить. Зато ответ нашёл гвардеец рядом с ним, детина с перебитым носом и руками мясника, который протянул лапу к рыжей и ухватил её за запястье.

— А вот эта, пышная, точно не против, — загоготал он. — Глянь, как глазами стреляет, такую и на руках не унесёшь, зато греет, поди, как печка.

Рыжая не стала визжать или вырываться. Она перехватила его запястье свободной рукой, сжала так, что детина охнул и выпустил добычу, и толкнула его плечом в грудь с силой, какой

позавидовал бы деревенский кузнец. Гвардеец отлетел назад, снёс спиной пару своих товарищей, а рыжая, отпрянув от стола, зацепилась каблуком за ножку моей скамьи и, взметнув юбки, рухнула прямиком ко мне на колени.

Шляпа, которой я прикрывался, улетела под стол. На смену ей пришло горячее, тяжёлое бедро, обтянутое дорожной тканью, а следом его хозяйка, которая и не подумала вскакивать. Она устроилась на мне поудобнее, заставив скамью жалобно скрипнуть, и обхватила рукой мою шею с такой силой, что я на мгновение забыл, как дышать. Я ощутил её вес целиком, щедрый, плотный и восхитительный, словно на меня опустилась сама жизнь, налитая соком и солнцем. От её волос тянуло мёдом, корицей и дорожной пылью, кудри щекотали мне щёку, а пышная грудь, оказавшаяся вдруг на уровне моего лица, вздымалась от сбившегося дыхания так близко, что я видел, как одна из несчастных петель шнуровки окончательно сдаётся и открывает полоску молочно-белой кожи.

— Сударь, побудьте немного креслом, — шепнула она мне на ухо, обжигая кожу дыханием. — У меня ноги устали от этих господ, а у вас, я смотрю, колени крепкие и очень… отзывчивые.

Последнее слово она промурлыкала, слегка поёрзав, и я понял, что моё тело выдало меня с потрохами, причём рыжая это прекрасно почувствовала. Моя ладонь, сама собой легшая ей на талию, ощутила под тканью тугой упругий изгиб, жар кожи и тонкую дрожь, которую девушка изо всех сил прятала за насмешливой улыбкой. Пальцы мои против воли скользнули ниже, к округлости бедра, налитого силой, и рыжая лишь сильнее прижалась ко мне и тихо, довольно хмыкнула прямо в ухо.

— Провинциальные кресла, оказывается, бывают с подлокотниками, — едва слышно протянула она. — Какая удача, что я упала именно сюда.

— Если вы продолжите в том же духе, сударыня, у кресла может сломаться какая-нибудь важная деталь, — выдохнул я, чувствуя, что лицо моё пылает ярче очага.

Она рассмеялась, и от этого смеха по коже побежали мурашки, а внизу живота стало так тяжело и горячо, что на мгновение из головы вылетели гвардейцы вместе с их кардиналом, да и вся чужая эпоха в придачу. Гуффе, однако, про нас не забыл. Лейтенант навис над моим столом, и его усы угрожающе зашевелились, словно у таракана, почуявшего крошку.

— Эй ты, оборванец, — прорычал он, тыча в меня пальцем, — отдай девицу и проваливай, пока цел. Гвардия кардинала не любит, когда ей мешают развлекаться.

Я оценил расстановку сил. Гвардейцев было гораздо больше, чем нас, все при шпагах и все пьяные ровно настолько, чтобы считать себя бессмертными. По опыту корпоративов я знал, что пьяного человека лучше всего успокаивает ровный голос и разумные доводы, а потому решил применить к средневековому лейтенанту методы современного урегулирования конфликтов.

— Господин лейтенант, давайте обсудим ситуацию как взрослые люди, — заговорил я самым мягким тоном, каким когда-то убеждал поставщиков подписать акт сверки. — Вы выпили, дамы не желают вашего общества, это их полное право. Если вы сейчас вернётесь за свой стол, никто не пострадает, а утром у вас будет болеть только голова, а прочие части тела останутся в целости. По-моему, это выгодное предложение для всех сторон.

На краткий миг в таверне воцарилось оторопелое молчание. Потом Гуффе запрокинул голову и захохотал так, что с балок посыпалась сажа, и гвардейцы подхватили его смех, хлопая друг друга по спинам.

— Слыхали? — простонал лейтенант, утирая глаза. — Дамы, видите ли, имеют право! Выгодное предложение! Да ты, парень, видать, головой приложился по дороге, раз такие революционные речи ведёшь! За такую ересь в Лютеции на площади вешают, а я тебя, так и быть, просто проткну, по-дружески.

Он выдернул шпагу из ножен. Его гвардейцы с лязгом последовали примеру командира. Я положил руку на эфес своей шпаги и потянул. Клинок не поддался. Я дёрнул сильнее, и ножны поехали вместе с ним, потому что ржавчина за долгую дорогу из Гравуа намертво спаяла их в единое целое. Рыжая на моих коленях, заметив мои усилия, прыснула со смеху, а гвардейцы покатились снова.

— Похоже, ваша шпага тоже не желает драться, сударь, — шепнула мне рыжая, не делая ни малейших попыток слезть. — Какой мирный у вас род.

— У меня просто очень консервативное оружие, — процедил я сквозь зубы. — Оно не привыкло к резким переменам и предпочитает решать споры дипломатией.

Гуффе поднял клинок, примериваясь, куда бы ткнуть, и в этот миг брюнетка поднялась из-за стола. Она проделала это без всякой спешки, плавно и грациозно, и дорожный плащ соскользнул с её плеч на скамью. Под плащом обнаружился мужской колет, перехваченный в талии широким поясом, и узкие штаны, заправленные в высокие сапоги, отчего большая часть гвардейцев немедленно забыла, зачем подошла. Тёмные волосы, собранные в тугой узел, открывали длинную шею, а в правой руке брюнетки, невесть откуда взявшись, блестела шпага, и держала она её так, как держат клинок люди, точно знающие, сколько крови в среднем человеке.

— Господа, я даю вам время допить ваше вино, — объявила она холодно и очень вежливо. — Затем начну учить вас манерам, и боюсь, урок окажется для некоторых последним.

Светловолосая в этот момент неторопливо закрыла молитвенник, отложила его в сторону, извлекла из рукава крошечный флакон тёмного стекла и с ангельской улыбкой вылила его содержимое в кувшин с вином, стоявший на краю гвардейского стола. Никто, кроме меня, этого не заметил, а она, встретившись со мной глазами, приложила палец к губам и опустила ресницы, кротко и смиренно, словно только что поставила свечку за упокой.

Гуффе перевёл взгляд с брюнетки на её шпагу, со шпаги на мужские штаны и обратно, и на его побагровевшем лице проступило понимание, что вечер перестаёт быть томным. Лейтенант отступил на шаг, взмахнул рукой, и гвардейцы, сомкнувшись плечом к плечу, двинулись на наш угол.

Я так и не успел решить, что делать: сбрасывать рыжую с колен и кидаться в драку с бесполезной шпагой в ножнах или продолжать переговоры. Из глубины двора донёсся звук, который я уже слышал сегодня на дороге и который невозможно было спутать ни с чем, рёв, где смешались вопль осла, гудок паровоза и проклятие пьяного боцмана, а следом раздался грохот выбитых досок.

Дверь таверны слетела с петель и рухнула на пол, подняв тучу опилок, и в проём, прижав разномастные уши и оскалив жёлтые зубы, влетел Карамболь. В зубах у мула болтался обрывок алого чепрака, глаза его горели безумием, а взгляд, пройдясь по залу, остановился на красных гвардейских плащах, и мне показалось, что на морде моего наследства расцвело выражение чистого, беспримесного счастья.

Глава 2

Драка с десертом

Гвардейцу, оказавшемуся ближе всех к выбитой двери, так и не довелось понять, что за серо-бурая туша вылетела на него из темноты двора. Карамболь врезался в него грудью, подхватил зубами алый плащ, рванул вбок, и бедолага завертелся волчком, разматываясь из собственной одежды, словно катушка, с которой дёрнули нитку. Плащ остался у мула в зубах, а гвардеец в одной рубахе отлетел к очагу и плюхнулся задом прямиком на вертел, отчего поросёнок, прожаривавшийся с самого обеда, получил наконец достойную компанию, а таверна огласилась воплем, какого я не слышал даже от нашего финансового директора в день годового аудита.

Мул швырнул трофей под ноги, растоптал его с наслаждением истинного ценителя и развернулся к остальным. Красных плащей в зале было ещё предостаточно, и в разномастных глазах Карамболя плескалось такое вдохновение, какое бывает у художника перед чистым холстом.

— Чья это скотина?! — взревел Гуффе, отскакивая за стол. — Взять её! Зарубить! Это нападение на гвардию его высокопреосвященства!

— Строго говоря, господин лейтенант, это нападение на красный цвет, — успел заметить я, всё ещё сидя на скамье с рыжей на коленях. — Мой мул совершенно аполитичен, его раздражает исключительно гамма.

Рыжая расхохоталась так, что её пышная грудь заколыхалась прямо у меня перед носом, и на краткое мгновение из головы вылетели и мул, и лейтенант. Потом она соскочила с моих колен с лёгкостью, неожиданной для женщины её сложения, подхватила со стола тяжёлую глиняную кружку и метнула её в ближайшего гвардейца с такой силой, что кружка разлетелась у него на лбу, а сам он рухнул под стол, задрав ноги в ботфортах.

— Сударь, не сидите, как девица на выданье, — бросила она через плечо, подмигнув мне. — Их многовато даже для нас, так что ваше консервативное оружие придётся пустить в ход, хочет оно того или нет.

Я рванул шпагу вместе с ножнами из перевязи и обнаружил, что ржавый клинок в ножнах весит примерно как хорошая дубина. Когда на меня бросился щуплый гвардеец с жиденькой бородкой и выпадом, который он, вероятно, отрабатывал перед зеркалом, я отмахнулся этой дубиной по его руке. Пальцы гвардейца разжались, шпага со звоном покатилась по полу, а сам он, взвыв, затряс ушибленной кистью.

— Неплохо для начала, — донеслось слева, и брюнетка, грациозно отклонившись от удара, который должен был разрубить её пополам, кольнула противника в плечо. — Хотя держите вы её, как метлу.

— Я держу её так, как она позволяет себя держать, сударыня, — выдохнул я, уворачиваясь от табурета, пущенного кем-то из гвардейцев. — Она у меня с характером и с ржавчиной.

Брюнетка фехтовала с таким видом, словно давала урок в салоне знатной дамы, и прокопчённая придорожная таверна с её дракой казалась рядом с ней недоразумением. Спина её оставалась прямой, лицо неподвижным, клинок порхал с той лёгкостью, с какой дирижёр управляется с палочкой. При этом она не переставала комментировать каждое движение противников с таким ледяным презрением, что гвардейцы, кажется, страдали от её слов сильнее, чем от уколов.

— Локоть выше, сударь, вы открыты, как дверь в трактир, — отчеканила она, обезоруживая очередного красного плаща. — Вас учил фехтованию пьяный конюх, по всей видимости. Ноги ставьте шире, вы падаете от собственного выпада. Ну вот, я же предупреждала.

Гвардеец, к которому были обращены эти наставления, действительно грохнулся на пол, запутавшись в собственных шпорах, а брюнетка перешагнула через него, даже не опустив взгляда.

Рыжая тем временем развернулась в полную силу. На глаза ей попался блестящий от жира гусь на блюде, предназначенный для гвардейского стола. Она ухватила его за ноги обеими руками, крутанула над головой, словно кистень, и обрушила на голову толстого сержанта, который пытался зайти ей за спину. Сержант застыл, на лице его отразилось глубокое удивление, после чего он сполз по стене, а с его шляпы закапал гусиный жир.

— Это был наш ужин! — возмутился кто-то из гвардейцев.

— Теперь это ваш десерт, сударь, — промурлыкала рыжая и огрела гусем и его, причём от удара бедная птица наконец разломилась пополам, а гвардеец осел на пол, хлопая глазами и облизывая жир с усов.

Светловолосая в драке не участвовала. Она так и оставалась на своём месте у стены, сложив руки на молитвеннике, опустив ресницы и шевеля губами в беззвучной молитве. Время от времени она поднимала глаза, оценивала происходящее и снова погружалась в благочестивые размышления. Гвардейцы её не трогали, видимо считая, что такое кроткое создание опасности не представляет, и я тоже решил было, что девушка просто напугана, пока не вспомнил о флакончике тёмного стекла.

Гвардейцы, оставшиеся за длинным столом, как раз успели пополнить кружки из злополучного кувшина, когда Гуффе приказал им вступить в бой. Они допили вино залпом, как полагается настоящим воинам перед битвой, выхватили шпаги, ринулись в атаку, сделали пару шагов и остановились. По их лицам пробежала странная тень, одновременно задумчивая и встревоженная, а потом из глубины их животов донеслось урчание, по сравнению с которым рёв Карамболя показался бы кошачьим мурлыканьем.

Первым не выдержал долговязый капрал с серьгой в ухе. Он побледнел, выронил шпагу, прижал обе ладони к животу и, согнувшись пополам, ринулся к задней двери, на ходу расталкивая товарищей. За ним сорвался его сосед по лавке, следом ещё несколько человек, и вскоре добрая часть гвардейского отряда, позабыв про честь, кардинала и бой, наперегонки неслась на задний двор, к отхожему месту, которое, судя по доносившимся оттуда крикам, вмещало далеко не всех желающих.

Светловолосая вздохнула, осенила их удаляющиеся спины крестным знамением и снова опустила глаза в молитвенник.

— Господи, прости им грехи их, ибо не ведают они, что пьют, — донёсся до меня её нежный голосок.

Я хотел было восхититься этим тактическим решением, но на меня надвинулся детина с перебитым носом, тот самый, который хватал рыжую за запястье. Рука у него, судя по тому, как он держал её на отлёте, всё ещё болела после знакомства с хваткой рыжей, зато другая сжимала тяжёлый палаш, и намерения на его лице читались вполне определённые.

— Ты, оборванец, мне за всё ответишь, — прорычал он, двигаясь на меня. — Сначала за девку, потом за скотину, а потом за то, что вообще родился на свет.

— Предлагаю рассмотреть претензии в порядке очерёдности и с документальным подтверждением, — отозвался я, отступая к стене. — Девушка, если вы заметили, справилась с вами без моей помощи, скотина действует в рамках собственной инициативы, а за факт рождения прошу обращаться к моим родителям в провинцию Гравуа.

Детина не оценил моей юридической логики. Он занёс палаш, и в этот миг со мной случилось нечто странное. Звуки вокруг остались прежними, движения тоже, однако всё происходящее вдруг стало видно с удивительной отчётливостью, словно кто-то подкрутил резкость. Перед глазами вспыхнула тонкая серебристая линия, протянувшаяся от поднятого палаша к моему левому плечу, ясная, как разметка на складском полу. Одновременно в затылке разли-

лось покалывающее тепло, будто кто-то тронул меня там тёплыми пальцами, а в голове прозвучала уверенность, которую невозможно было объяснить словами: удар пойдёт сюда, сверху наискось, с доворотом кисти. Ещё одна линия, совсем бледная, тянулась ко мне откуда-то сбоку, и я, не поворачивая головы, понял, что щуплый гвардеец с бородкой, подобрав свою шпагу, собирается ткнуть меня в бок, пока я занят палашом.

Тело среагировало само. Я шагнул вправо, пропуская серебристую линию мимо себя, и палаш детины со свистом рассёк пустоту там, где только что было моё плечо. Удар пришёлся аккурат по шляпе щуплого гвардейца, который как раз подкрадывался сбоку, и шляпа вместе с пером разлетелась на куски, а сам гвардеец, получив плашмя по макушке, рухнул на пол, словно подрубленный.

Детина с изумлением уставился на поверженного товарища, потом на меня, и пока он соображал, что произошло, я применил единственное настоящее боевое искусство, которое знал. В студенчестве я честно отходил несколько лет на секцию самбо, и тренер наш, суровый мужчина с ушами, похожими на пельмени, любил повторять, что чем крупнее противник, тем громче он падает. Я поднырнул детине под руку, ухватил его за пояс и рукав, развернулся бедром и бросил через себя. Тренер оказался прав. Детина пролетел над моим плечом, проломил спиной стол, за которым только что ужинали гвардейцы, и затих среди обломков, остатков бобов и разлитого вина.

В зале смолкли крики, и только с заднего двора доносились горестные стоны над отхожим местом.

Брюнетка, как раз отправившая на пол своего очередного ученика, опустила шпагу и скользнула по мне долгим, оценивающим взглядом. В глубине её тёмных глаз впервые мелькнуло что-то, похожее на интерес.

— Любопытная техника, сударь, — протянула она. — В какой школе фехтования учат швырять противника через себя, словно мешок с мукой?

— В очень провинциальной, сударыня, — нашёлся я, переводя дыхание. — У нас в Гравуа шпаги дорогие, а мешков с мукой хватает на всех.

Рыжая прыснула в кулак, светловолосая подняла глаза от молитвенника, а брюнетка, к моему удивлению, позволила себе лёгкую, почти незаметную улыбку, которая тут же исчезла, словно её и не было.

Оставался Гуффе. Лейтенант за всё время боя так и не обнажил шпагу по-настоящему, предпочитая руководить побоищем из-за опрокинутого стола. Теперь, когда большая часть его людей валялась на полу, а остальные сражались за место на заднем дворе, он понял, что командовать больше некем, и решил действовать сам. С рёвом, достойным раненого быка, лейтенант выскочил из укрытия и бросился на меня, выставив перед собой шпагу, как вертел.

Серебристая линия вспыхнула снова, прямая и короткая, нацеленная мне в живот. Я ушёл с неё в сторону, перехватил руку лейтенанта за запястье, крутанул, и шпага выпала из его пальцев. Гуффе по инерции пронёсся мимо меня, и я, придав ему ускорения хорошим пинком под зад, направил его прямиком к распахнутому окну. Лейтенант вылетел в окно головой вперёд, вместе с рамой, ставнями и цветочным горшком, стоявшим на подоконнике. Снаружи донёсся мокрый, чавкающий шлепок, а следом вопль, полный такого отчаяния и омерзения, что даже страдальцы на заднем дворе на миг притихли. Я высунулся наружу. Под окном стояла телега, которую сонный юнец-конюх, видимо, как раз нагружал навозом из конюшни, и Гуффе барахтался в этом зловонном грузе по самые бараньи усы.

Карамболь, покончивший к тому моменту с последним красным плащом в зале, подошёл к окну, сунул голову наружу, оценил картину и издал звук, который у любого другого животного я назвал бы смехом.

Оставшиеся на ногах гвардейцы предпочли подхватить тех, кто мог идти, и ретироваться через выбитую дверь. Мул проводил их до порога, на прощание сорвав с последнего беглеца красный берет, и вернулся к нам с трофеем в зубах, гордо задрав голову.

Хозяйка таверны выбралась из-за стойки, за которой пряталась всё это время, и окинула взглядом свой зал. Выглядел он так, словно по нему прошёлся ураган, а следом стадо бизонов. Разбитые столы, опрокинутые скамьи, выбитая дверь, высаженное окно, черепки кружек, гусиные кости и поросёнок, снятый с вертела задом гвардейца, создавали картину, достойную кисти живописца, специализирующегося на сценах разрушения.

— Кто мне за это заплатит?! — взвыла хозяйка, хватаясь за голову. — Я же разорена дотла, мне теперь по миру идти, с сумой на старости лет, и всё из-за благородных господ, которым приспичило помахать железками в моём заведении!

Девушки переглянулись, и по тому, как рыжая поспешно отвела глаза, а брюнетка поджала губы, я понял, что с деньгами у них туго. Как у любого менеджера по логистике, вид разгромленного склада пробуждал во мне профессиональные инстинкты.

— Сударыня, ущерб будет возмещён в полном объёме, — объявил я тоном, каким когда-то разговаривал с поставщиками, сорвавшими сроки. — Виновная сторона определена однозначно, это гвардия его высокопреосвященства, которая инициировала конфликт. Сейчас мы составим опись повреждённого имущества и взыщем стоимость с ответственных лиц.

Хозяйка уставилась на меня так, словно я заговорил на древнееврейском. Я подобрал с пола шпагу лейтенанта, затем его кошелёк, который выпал при полёте в окно и валялся под подоконником, туго набитый и приятно тяжёлый. Высыпав содержимое на уцелевший стол, я разложил монеты на кучки, сопровождая каждую комментарием о двери, окне, столах, посуде, поросёнке и моральном ущербе, после чего придвинул большую часть хозяйке, а скромный остаток спрятал себе в карман.

— А это вам за какие такие заслуги? — подозрительно прищурилась хозяйка.

— Это компенсация за услуги по урегулированию конфликта и вознаграждение мулу за содействие, — пояснил я. — Его работа тоже должна оплачиваться, иначе он начнёт бастовать, а бастует он, поверьте, громко.

Хозяйка подумала, пересчитала свою кучку и решила, что даже в таком безумии есть свои достоинства. Она прижала монеты к груди и поспешила на кухню, на ходу обещая нам лучшие комнаты, которые, правда, тут же оказались единственной, но об этом выяснилось позже.

Только теперь я смог как следует разглядеть девушек, которых, как выяснилось, защищал. Брюнетка вытирала клинок о скатерть с таким видом, словно это была обычная вечерняя процедура перед сном. Рыжая, раскрасневшаяся от боя, с выбившимися из узла кудрями и съехавшим на плечо платьем, собирала разбросанные по столу орехи и отправляла их в рот. Светловолосая наконец закрыла молитвенник и поднялась со скамьи, расправив складки плаща.

Брюнетка повернулась ко мне. Она убрала шпагу в ножны и склонила голову в лёгком поклоне, выверенном до последнего градуса, как требует безупречный этикет.

— Благодарю вас, сударь, за вмешательство, — произнесла она тоном, которым можно было замораживать реки. — Хотя должна заметить, что мы вполне справились бы и своими силами. Позвольте представиться: графиня Аделаида де Ларош. Мои спутницы, Полина де Брассак и Ариана д'Эрвиль.

— Барон Максимильян де Ворон, к вашим услугам, — отозвался я, отвешивая поклон, который по памяти юного барона считался в Гравуа верхом изысканности. — Рад был помочь, даже если моя помощь вам не требовалась. Скажем так, я вмешался ради собственного удовольствия.

— Какое совпадение, барон, я тоже обожаю всё, что приятно, — промурлыкала Полина, отряхивая с пальцев ореховую скорлупу и неторопливо приближаясь ко мне.

Она остановилась так близко, что её пышная грудь почти касалась моей, я вдруг очень остро ощутил жар, исходивший от её разгорячённого тела. Полина была выше меня, крупнее и, судя по участи гуся, сильнее, и стояла передо мной, уперев руки в широкие бёдра, с видом королевы, раздумывающей, наградить ли подданного.

— Я вот считаю, что наш спаситель заслуживает награды, — продолжила она, и голос её опустился до хрипловатого шёпота. — Особенной, которую я готова вручить ему с глазу на глаз. Где-нибудь, где нам не помешают гвардейцы, мулы и графини.

Её палец скользнул по моей груди, задержался у ворота, лениво обвёл пуговицу, и от этого прикосновения по телу прокатилась горячая волна. Полина глядела на меня сверху вниз, чуть приоткрыв губы, на которых ещё блестел мёд, и по её глазам было ясно, что она наслаждается моим смущением не меньше, чем собственной смелостью.

— Полина, держи себя в руках, — ледяным тоном одёрнула её Аделаида. — Мы знаем этого господина ровно столько времени, сколько длилась драка.

— Драка, дорогая, сближает лучше любого бала, — невозмутимо парировала рыжая, не убирая пальца с моей рубашки. — Особенно когда мужчина швыряет через себя громил, которые крупнее его, а потом ещё и деньги для хозяйки находит.

Я невольно хмыкнул, а Аделаида возвела очи к закопчённым балкам, словно призывая небеса в свидетели.

— Барон ранен, — тихо произнесла Ариана, и мы все повернулись к ней.

Светловолосая неслышно подошла к нам и указала на мою левую руку. Я опустил взгляд и только сейчас заметил, что рукав рубашки распорот, а по предплечью тянется тонкая красная полоса. Видимо, щуплый гвардеец с бородкой всё-таки зацепил меня в суматохе.

— Пустяки, сударыня, такие царапины в Гравуа даже не лечат, их просто показывают девушкам, чтобы вызвать сочувствие, — отмахнулся я.

— Тогда позвольте мне посочувствовать по всем правилам, барон, — мягко возразила Ариана.

Она взяла меня за руку бережно и торжественно, как берут святыню. Пальцы у неё оказались прохладными и удивительно уверенными. Ариана закатала мне рукав, осмотрела рану, затем извлекла из бездонного рукава своего плаща чистую тряпицу и ещё один флакон, на этот раз прозрачный, и смочила ткань.

— Будет жечь, — предупредила она, поднимая на меня огромные голубые глаза, полные кротости. — Помолитесь, барон, это помогает.

Жгло так, что у меня потемнело в глазах, и я выругался словами, которые в этом веке, кажется, ещё не изобрели. Ариана и бровью не повела. Она бережно перевязала рану, а затем, закрепляя повязку, провела кончиками пальцев по внутренней стороне моего запястья, отчего у меня пересохло во рту. Прикосновение длилось лишь миг, однако было настолько точным и знающим, что я вдруг понял: эта девушка прекрасно разбирается, где у мужчины самые чувствительные места, и пользуется этим знанием без малейшего стеснения. Ариана подняла глаза, и я готов был поклясться, что в их ангельской глубине мелькнула лукавая искорка.

— Видите, барон, молитва творит чудеса, — невинно заметила она.

— Чудесным образом, сударыня, я уже почти уверовал, — хрипло отозвался я.

Она улыбнулась, отпустила мою руку и сложила ладони перед грудью.

— А теперь я помолюсь за души тех несчастных, которых вы сегодня побили, — пропела Ариана. — И за тех, кто сейчас страдает на заднем дворе, особенно за них. Господь милостив, к утру им полегчает.

— А что было в том флаконе, который вы вылили в кувшин? — не удержался я.

Ариана округлила глаза с таким безграничным удивлением, словно я обвинил её в краже церковной кружки.

— Какой флакон, барон, помилуйте, я всего лишь молилась, — кротко возразила она. — Видимо, Господь покарал их за грехи чревоугодия и пьянства. Пути Его неисповедимы, особенно пути пищеварения.

Полина хрюкнула от смеха, Аделаида отвернулась, пряча улыбку, а я окончательно уверился, что попал в компанию, где опаснее всех та, кто громче всех молится.

С улицы донеслись плеск, хлюпанье, ругань, а затем тяжёлый топот. Мы все выглянули в выбитое окно. Гуффе, выбравшись наконец из телеги, стоял посреди двора, покрытый навозом с головы до ног. Его некогда великолепные усы обвисли, плащ из алого стал бурым, а на голове вместо шляпы красовался клок соломы. Вокруг него, держась на почтительном расстоянии и зажимая носы, топтались остатки гвардейцев, кто покрепче желудком. Лейтенант поднял к нам перекошенное от ярости лицо и потряс кулаком, отчего с его рукава во все стороны полетели ошмётки.

— Вы ещё пожалеете! — взревел он так, что в конюшне всполошились лошади. — Все до единого пожалеете! Его высокопреосвященство узнает обо всём! Я лично доложу кардиналу имя наглеца, посмевшего поднять руку на гвардию! Ты слышишь меня, барон де Ворюга?! Тебя повесят на главной площади Лютеции, а этих девок отправят в монастырь, где им самое место!

Я открыл было рот, чтобы поправить, но Аделаида положила ладонь мне на локоть.

— Оставьте, барон, — негромко произнесла она. — Пусть доложит. Чем дольше кардинал будет искать барона де Ворюгу, тем дольше вы проживёте.

Гуффе тем временем вскарабкался на коня, которого ему подвели, и под улюлюканье конюха, запустившего ему вслед комок навоза, поскакал прочь по дороге, ведущей к столичной заставе. Остатки его отряда, держась за животы, потянулись следом, и вскоре топот копыт затих в вечерней мгле.

Мы переглянулись. Полина первой нарушила молчание, и в её голосе впервые за весь вечер не осталось ни насмешки, ни кокетства.

— Он поскакал в Лютецию, прямиком к кардиналу, — проговорила она, провожая всадника взглядом. — К утру у каждой городской заставы будут наши приметы, а мы как раз туда и направляемся, причём с рекомендательными письмами к самой королеве.

Глава 3

Коврик у двери

Ужин хозяйка накрыла на единственном уцелевшем столе, придвинув его поближе к очагу, и выставила на него всё, что пережило побоище: поросёнка, слегка помятого гвардейским задом, но вполне съедобного, горшок тушёной капусты, ковригу ржаного хлеба и кувшин вина, который она торжественно водрузила в центр, поклявшись всеми святыми, что в этот кувшин никто ничего не подливал. Ариана, услышав клятву, кротко опустила ресницы и придвинула к себе миску с капустой с видом мученицы, которой досталась самая скромная пища.

Я разлил вино по кружкам, и тут выяснилось, что пьют за этим столом далеко не все. Аделаида накрыла свою кружку ладонью с таким проворством, словно я пытался налить ей яду, и придвинула к себе кувшин с водой.

— Благодарю, барон, я не употребляю вина, — произнесла она тоном, не допускающим возражений. — Оно туманит рассудок, а он мне ещё пригодится.

— Аделаиде вообще нельзя вина, — радостно сообщила Полина, отрывая от поросёнка заднюю ногу и вгрызаясь в неё с аппетитом, который сделал бы честь голодному волку. — После второй кружки она становится совсем другим человеком. Однажды в монастырской гостинице она…

— Полина, — процедила графиня так ледяно, что огонь в очаге, кажется, присел. — Ешь свою ногу и помни, что у меня есть шпага.

Полина невозмутимо пожала пышными плечами и откусила кусок побольше, но в глазах её плясали черти, и я сделал себе мысленную пометку при случае узнать продолжение этой истории.

За ужином я узнал о своих новых знакомых куда больше. Полина рассказывала о себе охотно и подробно, причём с каждой кружкой фамильное достояние Брассаков прирастало, как тесто на опаре. К концу поросёнка у рода уже имелись золотые водостоки, серебряные ворота, фонтан, из которого по праздникам било вино, и конюшня, где лошадей кормили исключительно отборным изюмом. Аделаида слушала эти рассказы с выражением человека, который слышал их уже много раз и каждый раз в новой редакции. Ариана тихонько перелистывала молитвенник, изредка поднимая глаза и вставляя замечания вроде того, что изюм лошадям вреден, потому что вызывает вздутие, и что она могла бы рассказать барону, как именно это происходит, если барону интересно.

— Барону неинтересно, — поспешно заверил я, отодвигая от себя тарелку.

— Жаль, — вздохнула Ариана. — Это поучительная история о том, как гордыня наказывается через кишечник.

О себе Аделаида не рассказала почти ничего, ограничившись тем, что её род древний, поместье далёкое, а характер у неё дурной. Последнее подтверждалось каждым её словом. Ариана сообщила, что воспитывалась при обители Святой Клотильды и намерена со временем принять постриг, потому что мирская жизнь суетна и полна соблазнов. Сообщая это, она так задумчиво облизнула ложку, что соблазны, по всей видимости, имела в виду вполне конкретные.

Когда с поросёнком было покончено, хозяйка повела нас наверх. Лучшие комнаты, обещанные ею внизу, при ближайшем рассмотрении сократились до единственной каморки под самой крышей, с косыми балками, маленьким окошком и кроватью, рассчитанной, судя по ширине, на одну упитанную монахиню. Ещё в комнате имелись облезлый сундук, ширма с вышитыми на ней пастушками, умывальный таз на табурете и потёртый коврик у двери, которому, как я сразу почувствовал, предстояло сыграть в моей жизни важную роль.

— Остальные комнаты заняты гвардейцами, — развела руками хозяйка. — Они, конечно, уехали, только платили вперёд за всю неделю, а у нас, знаете ли, порядок: кто заплатил, у того и комната, даже если он в ней не ночует.

Я уставился на неё в изумлении. Значит, вперёд здесь всё-таки платили, просто не все и не всем.

— Почтеннейшая, а гвардейцам вы позволили заплатить вперёд и не обиделись? — уточнил я.

— Так то же гвардейцы кардинала, сударь, — удивилась хозяйка моей непонятливости. — Попробуй им откажи, потом и трактира не останется. Это совсем другое дело.

С этим философским замечанием она удалилась, оставив нас наедине с кроватью.

Мы все молча разглядывали узкое ложе, покрытое лоскутным одеялом, и каждый, судя по выражениям лиц, производил в уме подсчёты, которые неизменно заканчивались неутешительным результатом. Первым решился заговорить я, применив к задаче методы рационального распределения ресурсов.

— Предлагаю посменный график, — объявил я. — Ночь делится на равные отрезки, каждый спит на кровати свою смену, остальные бодрствуют и несут караул на случай возвращения гвардейцев. Таким образом, мы обеспечиваем и отдых, и безопасность, и справедливость.

Девушки уставились на меня так, словно я предложил им ограбить церковь.

— Барон, вы предлагаете, чтобы мы ложились в постель, нагретую мужчиной? — ледяным тоном уточнила Аделаида. — В Гравуа, вероятно, так принято, однако приличные дамы о подобном даже не помышляют.

— Я помышляю, — тут же отозвалась Полина. — Я очень даже помышляю. Особенно если мужчина нагреет её как следует.

— Полина, — устало вздохнула Аделаида.

— А я считаю, что посменный сон противоречит естественному ходу телесных соков, — задумчиво сообщила Ариана. — От этого случается разлитие желчи и дурные сны. Я читала об этом в трактате одного учёного монаха, который проверил это на послушниках.

В итоге решение приняла Аделаида, причём в такой форме, что спорить с ней было бы сродни попытке переубедить горный обвал. Кровать досталась девушкам, а мне был великодушно выделен коврик у двери, где я, по словам графини, смогу совмещать отдых с охраной, как сторожевой пёс, только без лая.

— Если ночью кто-нибудь попытается войти, рычите, барон, — посоветовала Аделаида. — А если попытаетесь подойти к кровати вы, то рычать придётся мне, и боюсь, вам не понравится.

Девушки скрылись за ширмой с пастушками, и мне велели отвернуться к стене. Я честно отвернулся. К сожалению, на стене, прямо передо мной, висело зеркало, и я, к собственному стыду и к огромной радости юного баронского тела, наблюдал за ними с жадностью мальчишки, подглядывающего в замочную скважину.

Аделаида была стройной и строгой. Графиня сняла колет и стянула сапоги с той же деловитостью, с какой фехтовала, а потом извлекла откуда-то из-за пояса узкий кинжал и, судя по движению, сунула его под подушку. Ариана долго возилась с какими-то завязками, после чего обрядилась в нечто бесформенное и длинное, надела на голову ночной чепец и опустилась на колени для вечерней молитвы. Молилась она шёпотом и довольно долго, причём пару раз мне послышались в её молитве слова, которые к Священному Писанию явно не относились.

А потом себя показала Полина. Она словно нарочно встала так, чтобы свеча очерчивала её силуэт во всей красе. Неспешно расшнуровала платье, позволила ему соскользнуть с плеч, и в отражении возникли очертания тяжёлой груди, полной и высокой. Полина подняла руки, вынимая из волос шпильки, и рыжие кудри, превратившись в тени, рассыпались по её плечам и спине. Затем она повернулась боком, нагнулась, поднимая с пола ночную рубашку, и линия

её пышных ягодиц, плавная и щедрая, словно изгиб виолончели, заставила меня прикусить губу. Рубашка скользнула вниз по её телу, скрыв от меня всё самое интересное, и я с трудом подавил стон разочарования.

Из-за ширмы донёсся тихий смешок, и я понял, что Полина прекрасно знала про зеркало и тени.

Девушки улеглись на кровать, которая жалобно заскрипела под их общим весом. Свеча погасла, комната погрузилась во мрак, разбавленный лишь серебристым светом луны, просачивающимся сквозь маленькое окошко. Я растянулся на коврике, подложив под голову свёрнутый камзол, укрылся плащом и попытался уснуть.

Через некоторое время я понял, что уснуть не удастся. Коврик оказался тонким, пол жёстким, а из-под двери тянуло сквозняком, от которого мёрзли ноги. Кроме того, юное тело барона, взбудораженное дракой, ужином и особенно отражениями, решительно отказывалось успокаиваться. С кровати доносилось ровное дыхание Аделаиды, лёгкое посапывание Арианы и шорох, который мог означать что угодно.

Шорох приблизился. Я приоткрыл глаза и увидел, как в лунном свете ко мне неслышно скользит высокая фигура в белой рубашке, с распущенными рыжими волосами. Полина опустилась на коврик рядом со мной, приподняла край моего плаща и улеглась под него, прижавшись ко мне всем телом так естественно, словно мы спали так всегда.

— Тише, барон, — шепнула она мне в самое ухо, и её дыхание обожгло кожу. — Я пришла проверить, крепка ли гравуанская выдержка. Говорят, провинциальные бароны каменные, как их замки. Хочу убедиться лично.

Я хотел было возразить, что замки в Гравуа больше похожи на курятники, однако её ладонь легла мне на грудь, и всё, что я собирался сказать, вылетело из головы.

Полина была тёплой, тяжёлой и мягкой, а её тело занимало под плащом гораздо больше места, чем моё. Тонкая ночная рубашка совсем не скрывала того, что было под ней, и я ощущал каждый изгиб её щедрой плоти: упругую тяжесть груди, прижатой к моему боку, округлость живота, крепкое бедро, закинутое на мои ноги. Её ладонь неторопливо скользила по моей груди, исследуя каждый мускул так внимательно, словно Полина составляла опись имущества. Пальцы нащупали сосок и сжали его с нажимом, от которого по позвоночнику пробежала горячая дрожь, а потом двинулись ниже, к животу, где мышцы под её прикосновением непроизвольно напряглись.

Моя рука сама нашла её поясницу и легла туда, где под рубашкой угадывался тёплый изгиб, переходящий в пышные ягодицы. Полина тихонько вздохнула и чуть подалась навстречу моей ладони, позволяя ей соскользнуть ниже. Кожа под тонким полотном была горячей, налитой силой, и когда я сжал её, Полина прерывисто втянула в себя полную грудь, отчего её сосок, отвердевший и острый, прочертил по моему боку жаркую линию.

Её пальцы спустились ещё ниже, к поясу моих штанов, и замерли там на мгновение, словно в раздумье. Потом она легко, почти невесомо провела ладонью по ткани, натянувшейся под ней до предела, и я услышал, как она тихонько засмеялась. В этом смехе было торжество женщины, которая получила неопровержимое доказательство. Её ладонь накрыла моё возбуждение целиком, огладила по всей длине, и я до боли стиснул зубы, чтобы не застонать в голос, потому что в паре шагов от нас спала графиня с кинжалом под подушкой.

Я повернул голову, нашёл губами её губы, Полина ответила на поцелуй жадно, глубоко, с привкусом вина и ночного озорства. Моя ладонь скользнула вверх, накрыла её грудь, тяжёлую, мягкую, переполнявшую руку. Полина выдохнула мне в рот тихий, сдавленный звук, от которого кровь застучала в висках. Её бедро сильнее прижалось к моему, рука снова двинулась ниже, пальцы потянули за шнурок на поясе моих штанов…

Подушка прилетела из темноты со свистом пушечного ядра и врезалась Полине точно в затылок.

— Полина, вернись в постель, пока я не встала и не вернула тебя сама, — донёсся с кровати ледяной голос Аделаиды, в котором не было ни капли сна. — И барон, если вы не уберёте руки, я вам их укорочу.

Полина фыркнула, но с места не сдвинулась.

— Я просто проверяла, не замёрз ли наш спаситель, — невинно сообщила она в темноту. — На полу сквозняк, а мужчина нам ещё пригодится.

— Он не замёрз, это я отсюда вижу, — отрезала Аделаида.

С кровати донёсся сонный вздох, и тихий голосок Арианы, звучавший так, словно она говорила во сне, произнёс:

— Полина, левее бери, он левша… Господи, прости, о чём это я… Спите, сёстры, спите…

Наступила пауза, во время которой мы все, кажется, пытались осмыслить услышанное. Потом Полина, тихонько давясь смехом, выбралась из-под моего плаща, напоследок шлёпнув меня ладонью по животу, и отправилась обратно к кровати, ступая по скрипучим половицам с грацией крупной кошки. Кровать застонала, принимая её обратно.

Я так и остался лежать на коврике, пытаясь понять, откуда, во имя всех святых, ангельская Ариана знает, что юный барон де Ворон с детства был левшой, если об этом не знал даже я сам до сегодняшнего вечера, когда тело само перехватило шпагу левой рукой. До утра я так и не сомкнул глаз, отчасти от холода, отчасти от неудовлетворённого желания, а отчасти от смутного ощущения, что попал в компанию, где каждая из девушек опаснее целой роты гвардейцев.

Наутро хозяйка накормила нас яичницей с салом и проводила взглядом, полным облегчения. Я спустился в конюшню проведать Карамболя и обнаружил, что мул за ночь сжевал красную попону, которую кто-то из гвардейцев в спешке оставил на крючке, и теперь смотрел на мир с выражением сытого философа.

Девушки собрались во дворе, уже одетые для дороги. При свете дня Аделаида была безупречна, как всегда, ни единого намёка на ночное происшествие в её облике не читалось. Ариана, свежая и румяная, словно спала на облаке, сжимала в руках молитвенник. Полина встретила меня таким многообещающим взглядом, что я споткнулся о порог конюшни.

— Барон, нам нужно поговорить, — объявила Аделаида, пока я затягивал подпругу. — Полагаю, после вчерашнего вы имеете право знать, куда мы направляемся. Тем более что вы уже, кажется, знаете о нас больше, чем следовало бы.

Она бросила выразительный взгляд на Полину. Та сделала вид, что рассматривает облака.

— Мы едем во дворец к королеве Мелисенте, — продолжила Аделаида. — У каждой из нас есть рекомендательное письмо. Её величество набирает новых фрейлин, и мы намерены занять эти места.

— Зачем? — вырвалось у меня. — Простите, сударыня, я хотел спросить, что влечёт столь… разных дам ко двору.

Аделаида чуть заметно поджала губы.

— У каждой свои причины, барон. Мои касаются только меня.

— А у меня причина простая, — радостно встряла Полина. — В нашем фамильном замке стало слишком скучно. Золото, серебро, фонтаны с вином, лошади на изюме, сплошная тоска. Захотелось чего-нибудь живого, придворных интриг, балов, мужчин. Особенно мужчин.

Аделаида выразительно кашлянула, и я заметил, что на последних словах о богатстве Полина отвела глаза, а голос её стал чуточку громче и бодрее, чем следовало бы. Логистика научила меня распознавать, когда человек рассказывает о складе, которого нет.

— А я хочу узнать мирскую суету изнутри, прежде чем отречься от неё навеки, — смиренно поведала Ариана. — Ведь невозможно по-настоящему отвергнуть соблазны, если не изучил их как следует. Это вопрос богословской честности.

— А вы, барон? — Аделаида скрестила руки на груди. — Куда направляетесь вы, если не секрет?

— В королевские мушкетёры, сударыня, — признался я, похлопав по камзолу, где лежало письмо. — У меня письмо к капитану де Бракмону от моего отца.

Полина хлопнула в ладоши.

— Значит, мы будем соседями! — воскликнула она. — Казармы мушкетёров совсем рядом с дворцом. Барон, вы будете охранять нас, а мы будем охранять вас.

— От кого же вы будете охранять меня, сударыня? — осведомился я.

— От скуки, разумеется, — промурлыкала Полина. — И от излишней целомудренности. Вчера вы держались слишком стойко, это вредно для здоровья молодого мужчины.

Ариана авторитетно кивнула, подтверждая медицинскую точность этого заявления. Я как раз собирался предложить разумный план, согласно которому нам следовало въезжать в город порознь, под чужими именами и в разное время, чтобы не привлекать внимания людей Гуффе, когда со стороны дороги донёсся нарастающий гул. Земля под ногами едва заметно задрожала. Мы обернулись к воротам постоялого двора, и у меня по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с утренней прохладой.

По дороге, поднимая клубы пыли, неслась кавалькада всадников в алых плащах. Их было гораздо больше вчерашнего, целый отряд, и во главе его, отмытый, переодетый и пылающий жаждой мести, скакал лейтенант Гуффе, а рядом с ним держался высокий мужчина в чёрном, которого я прежде не видел.

Из конюшни за моей спиной донёсся тяжёлый удар копытом в дверь, затем ещё один, и дверь затрещала по швам. Карамболь тоже увидел красные плащи.

Глава 4

Розыск по всей форме

Решения в критических ситуациях я привык принимать за то время, пока начальство орёт в трубку, а склад горит, поэтому план созрел у меня мгновенно, хотя назвать его гениальным не повернулся бы язык даже у моей мамы. План состоял в том, чтобы выпустить Карамболя навстречу красным плащам, а самим, пока гвардия будет занята мулом, удрать через задний двор.

— Сударыни, к лошадям, живо, через задние ворота! — крикнул я, бросаясь к конюшне. — Мул задержит их на какое-то время, а там посмотрим по обстановке.

— Мы не бросим вас одного, барон, — отрезала Аделаида, уже выхватив шпагу.

— Вы не бросаете меня одного, сударыня, вы стратегически отступаете, пока я стратегически отступаю следом, — выдохнул я, отодвигая засов. — Это разные вещи, поверьте моему опыту.

Дверь конюшни распахнулась с такой силой, что я едва успел отскочить. Карамболь вылетел наружу, словно ядро из мортиры, и помчался к воротам постоялого двора, где как раз осаживали коней первые всадники в алом. Мне пришлось на бегу ухватить его за гриву и вскарабкаться на спину, потому что отпускать мула одного в такую компанию было всё равно что отпускать ребёнка в кондитерскую с отцовским кошельком.

Гвардейские кони, увидев несущегося на них серо-бурого демона с прижатыми ушами и оскаленными зубами, повели себя как разумные существа. Они встали на дыбы, заржали, шарахнулись в стороны, и несколько всадников вылетели из сёдел прямиком в пыль. Карамболь врезался в самую гущу, хватая зубами всё алое, до чего мог дотянуться, а я, вцепившись в его гриву, отмахивался ножнами от гвардейских шпаг и молился всем богам, о которых когда-либо слышал.

— Взять его! — надрывался Гуффе, пытаясь удержать в узде своего обезумевшего коня. — Это он! Барон де Ворюга!

— Де Ворон, господин лейтенант! — крикнул я, проносясь мимо. — Запишите правильно, иначе отчёт вернут на доработку!

Краем глаза я успел увидеть, как девушки вылетают через задние ворота верхом, пригнувшись к шеям лошадей. Аделаида замыкала их маленький отряд, держа шпагу наготове, и именно ей навстречу из-за угла сарая вылетел высокий всадник в чёрном, тот самый незнакомец, которого я заметил рядом с Гуффе. Он не носил гвардейского плаща, лицо его скрывал низко надвинутый капюшон, однако двигался он с хищной уверенностью человека, для которого шпага давно стала продолжением руки.

Клинки встретились со звоном, от которого у меня заныли зубы. Аделаида фехтовала великолепно, однако незнакомец был быстрее. Его шпага скользнула по её клинку, ушла вниз, и я увидел, как на левом рукаве графини проступило тёмное пятно. Аделаида не вскрикнула, даже не поморщилась, только лицо её стало белее мела, а взгляд застыл на капюшоне противника с таким выражением, словно она силилась разглядеть под ним что-то знакомое.

Я развернул Карамболя к ним. Мул, заметив на всаднике в чёрном алую подкладку плаща, мелькнувшую при взмахе, издал боевой клич и ринулся в атаку. Незнакомец оглянулся, и в следующий миг Карамболь вцепился зубами в круп его коня. Конь взвился, сбросил седока, и человек в чёрном покатился по земле, а мы с Аделаидой вылетели за ворота следом за остальными.

Мы мчались, не разбирая дороги, через поле, потом через рощу, потом вдоль речки, пока погоня не отстала окончательно. Гвардейцы, судя по доносившимся до нас крикам, всё ещё ловили разбежавшихся коней, а Гуффе ругался так, что с деревьев облетали листья.

Остановились мы только в глубине леса, у ручья, где лошади смогли напиться, а мы перевести дух. И тут выяснилось, что лошадь Полины, крупная рыжая кобыла, в суматохе подвернула ногу и теперь хромала так, что везти на себе всадницу не могла.

— Придётся мне ехать с бароном, — вздохнула Полина с таким горем в голосе, словно её приговорили к каторге, и в то же время с таким блеском в глазах, что горе это выглядело весьма сомнительным. — Барон, ваш мул выдержит двоих?

Карамболь, услышав вопрос, тяжело вздохнул и повесил уши, всем видом выражая протест.

— Выдержит, сударыня, — заверил я, игнорируя страдания мула. — Он только притворяется слабым.

Полина взобралась на круп позади меня, обхватила меня руками за пояс и прижалась всем своим пышным телом к моей спине. Карамболь присел на задние ноги и издал звук, полный такого отчаяния, что даже Ариана перекрестилась, однако устоял и двинулся вперёд, бормоча что-то на своём ослином наречии.

Дальнейший путь превратился для меня в сладкую пытку. Полина сидела позади, прижавшись ко мне так плотно, что я ощущал каждый вздох её высокой груди, упругой и тяжёлой, прильнувшей к моим лопаткам. Её руки лежали у меня на животе, и при каждом шаге мула пальцы её словно невзначай сползали всё ниже, к поясу штанов, где задерживались ровно на столько, чтобы я начинал задыхаться, а потом снова возвращались на место. Её бёдра, крепкие и горячие, обхватывали мои, и на каждой кочке она прижималась ещё плотнее, а над ухом раздавалось её тихое, довольное мурлыканье.

— Барон, вы так напряжены, — шептала она, обжигая дыханием мою шею. — Это от погони или от чего-то другого?

— Это от ответственности за безопасность отряда, сударыня, — хрипло отвечал я, глядя прямо перед собой.

— Какая ответственная у вас спина, — мурлыкала она, проводя ладонью по моему животу. — И живот тоже очень ответственный. Интересно, что там ещё у вас такое ответственное…

Аделаида, ехавшая рядом с перевязанной рукой, бросала на нас взгляды, способные заморозить ручей. Ариана, замыкавшая шествие, молилась вслух и громко, но почему-то каждый раз, когда Полина позволяла себе особенно смелый жест, молитва её на мгновение прерывалась, а потом продолжалась с удвоенным рвением.

К полудню мы выбрались на просёлочную дорогу, ведущую в сторону столицы. Решено было двигаться окольными путями, через деревушки и хутора, избегая большого тракта, где наверняка уже рыскали люди Гуффе. Аделаида задавала направление, сверяясь с какой-то картой, извлечённой из-за пазухи, а я поражался тому, как ловко графиня ориентируется на местности для дамы, воспитанной в древнем роду.

В первой же деревне, где мы остановились напоить лошадей, нас ждал сюрприз. На столбе у колодца, рядом с объявлением о продаже бодливой козы, висел свежий, с ещё не просохшими чернилами лист с крупной надписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ». Мы подошли поближе, и я с трудом сдержал стон.

Под надписью красовались наши портреты. Художник, по всей видимости, рисовал с чужих слов, причём слова эти принадлежали человеку, который накануне вылетел в окно и провёл некоторое время в навозе. Я на портрете был изображён с усами такой длины, что они свисали до колен и завивались на концах кольцами, с глазами, сведёнными к переносице, и с выражением лица, которое бывает у людей, только что съевших лимон целиком. Под портретом значилось: «Барон де Ворюга, особо опасный гравуанский колдун. Моет руки перед едой, водится с бешеным мулом. Вознаграждение за поимку».

Портреты девушек оказались ещё хуже. Аделаиду изобразили тощей монахиней с поджатыми губами и шпагой в руке, Полину круглой, как бочка, монахиней с окороком под мышкой, а Ариану блаженной с молитвенником и выпученными глазами.

— Я пышная, а вовсе не толстая! — возмутилась Полина, разглядывая свой портрет с такой яростью, что столб, кажется, покосился. — Этот мазила нарисовал мне подбородков больше, чем у его матушки!

Аделаида разглядывала свой портрет молча, однако по тому, как побелели её пальцы на рукояти шпаги, было ясно, что художнику крупно повезло находиться сейчас где-то в другом месте. Ариана же, напротив, изучала собственное изображение с живым интересом, склонив голову к плечу.

— По-моему, сходство схвачено удивительно точно, — задумчиво протянула она. — Особенно взгляд. Именно так я смотрю на грешников, когда они рассказывают мне о своих прегрешениях. Хотя молитвенник он нарисовал вверх ногами, а это уже непростительно.

Из-за колодца выглянул древний дед с ведром в одной руке и корзинкой в другой, прищурился на нас, потом на столб, потом снова на нас, и я понял, что пора уходить, пока у деда не прорезалось зрение. Однако дед, к моему облегчению, лишь сочувственно покачал головой.

— Ищут бедолаг, — прошамкал он, кивнув на листок. — С утра гонец прискакал, всю округу обклеил. Говорит, их в Кротуа рисуют, у мэтра Пикура, а оттуда развозят по всем заставам. Колдуна, говорят, ловят. С усами. Таких усов у нас отродясь не видывали, разве что у сома в омуте.

— Благодарю, почтеннейший, — отозвался я, пряча лицо под полями шляпы. — Будем остерегаться этого страшного человека.

Ариана тем временем успела заглянуть в дедову корзинку и сочувственно коснулась его руки.

— Дедушка, грибочки вы набрали чудесные, только это бледные поганки, хоть вы и приняли их за шампиньоны, — проворковала она голосом сестры милосердия. — Съедите их на ужин, и уже к утру с вами будут беседовать ангелы, а за ними подтянутся все ваши покойные родственники, и далеко не все они придут в хорошем настроении.

Дед побледнел, швырнул корзинку в канаву и заковылял прочь с проворством, которого никак нельзя было ожидать от его седин.

Местечко Кротуа оказалось маленьким городком недалеко от столицы, с кривыми улочками, рыночной площадью и единственной таверной, где, по словам хозяйки, мэтр Пикур проводил всё время, свободное от искусства, а свободным от искусства у него было почти всё время. Девушек я оставил ждать в рощице за городом, сочтя, что одинокий путник привлечёт меньше внимания, чем компания, чьи портреты висят на каждом столбе. Полина долго возмущалась, что её лишают удовольствия лично высказать мазиле своё мнение о подбородках, но Аделаида пресекла её возражения единственным взглядом.

Мэтра Пикура я нашёл в углу таверны над кружкой, которая, судя по его состоянию, была далеко не первой. Это был тощий человечек с всклокоченными седыми волосами, пальцами, перепачканными краской, и носом, свидетельствовавшим о многолетней пламенной любви к виноградной лозе. Рядом с ним на лавке громоздилась кипа свежих листов с объявлениями о розыске, а под лавкой лежала резная деревянная доска, с которой их печатали.

— Мэтр, у меня к вам деловое предложение, — начал я, устраиваясь на лавке напротив и выкладывая на стол несколько монет из кошелька Гуффе. — Я скромный ценитель искусства, и меня глубоко огорчила одна ваша работа. Вот эта.

Я ткнул пальцем в портрет барона де Ворюги. Мэтр Пикур скосил глаза на рисунок, потом на монеты, потом снова на рисунок, и в его мутном взгляде зажглось понимание, свойственное людям, давно привыкшим к тому, что искусство кормится заказами.

— Что-то не так с усами, сударь? — осведомился он. — Мне велели усы до колен, я так и изобразил, у меня всё по заказу.

— С усами всё прекрасно, мэтр, это лучшие усы, какие мне доводилось видеть, — заверил я. — Меня огорчает лицо. Оно, понимаете ли, лишено величия. Человек, которого ищут по всему королевству, должен выглядеть внушительно, солидно, как особа, достойная государственного розыска. А у вас вышел какой-то провинциальный простак. Я готов оплатить переделку, если вы придадите этому лицу настоящее благородство.

Я добавил к монетам ещё одну. Мэтр Пикур вздохнул, допил кружку, утёр рот рукавом и вытащил из-под лавки резную доску.

— Благородство, говорите, — пробормотал он, извлекая из кармана резец. — Благородство я умею. Я, знаете ли, всю жизнь рисовал для приходских церквей благородные лица, рука сама помнит.

Он склонился над доской, и резец замелькал в его пальцах с удивительной для пьяного человека ловкостью. Я заказал ему ещё кружку, чтобы рука не дрожала, и терпеливо ждал, оглядывая таверну. Наконец мэтр отложил резец, обмакнул доску в краску, прижал к чистому листу, и когда он с гордостью поднял готовый оттиск, мне пришлось прикусить щёку изнутри, чтобы не расхохотаться ему в лицо.

С листа на меня взирал сухопарый мужчина в кардинальской шапочке, с острой бородкой, тонкими губами, сложенными в выражение бесконечного превосходства, и пронзительными глазами, которые, казалось, видели насквозь каждого, кто осмеливался встретиться с ними взглядом. Усы до колен мэтр, впрочем, сохранил, и они придавали этому лицу совершенно неотразимое очарование.

— Мэтр, вы гений, — искренне выдохнул я. — В этом лице столько величия, что у меня мурашки по коже. Скажите, вы ведь успеете переделать весь тираж до вечера?

— Успею, сударь, гонец за листами только к закату прибудет, — гордо отозвался мэтр, придвигая к себе стопку. — Развезёт по всем столичным заставам, как велели. Пусть видят, какие у нас в Кротуа художники.

Я оставил ему ещё монету на вдохновение и поспешил прочь, пока он не протрезвел и не разглядел, кого именно изобразил.

Девушки ждали меня в рощице. Полина грызла яблоко, Ариана перебирала чётки, а Аделаида спала, прислонившись спиной к стволу старого дуба и прижав раненую руку к груди. Во сне лицо её утратило привычную холодность и стало совсем юным, беззащитным, и я невольно замер, любуясь её тёмными ресницами, и губами, приоткрытыми во сне. Ветер шевельнул выбившуюся прядь, и Аделаида нахмурилась, беспокойно повернув голову.

— Филипп, нет… — прошептала она едва слышно, и в её голосе прозвучал такой страх, какого я никак не ожидал услышать от женщины, хладнокровно фехтовавшей с целым гвардейским отрядом. — Только не ты, ты же умер…

Полина перестала жевать и бросила на подругу быстрый тревожный взгляд, который тут же спрятала за беззаботной улыбкой. Ариана опустила глаза к чёткам. Обе знали, о ком идёт речь, и обе, судя по их лицам, ни за что не собирались мне об этом рассказывать.

Аделаида открыла глаза, увидела меня и мгновенно выпрямилась, словно её застали за чем-то постыдным.

— Долго же вы ходили, барон, — холодно бросила она, поднимаясь и отряхивая колет. — Надеюсь, ваш визит к художнику того стоил.

— Более чем, сударыня, — заверил я, решив пока не расспрашивать о Филиппе. — Скажем так, искусство в королевстве сегодня совершило огромный шаг вперёд.

К столичной заставе мы подъехали ближе к вечеру, рассудив, что в толпе возвращающихся с рынка крестьян легче всего затеряться. Девушки надвинули капюшоны, Полина спрятала рыжие кудри под платок, я снял шляпу и вымазал лицо дорожной пылью, а Карамболю

во избежание неприятностей завязали глаза тряпицей, отчего мул шёл с видом оскорблённого слепого пророка.

У ворот творилась суматоха. Гонец из Кротуа только что прибыл, и стражники, ругаясь, наклеивали на створки свежие листы. Капрал с бородавкой на носу тыкал в объявление пальцем, сличая изображение с каждым, кто проходил мимо, и придирчиво изучал лица, а мы, затаив дыхание, двигались в очереди всё ближе к воротам.

Прямо перед нами стоял скромный крытый экипаж без гербов, запряжённый неприметными гнедыми. Дверца его распахнулась, и наружу выглянул сухопарый мужчина в сером дорожном плаще, с острой бородкой и корзинкой в руках, из которой торчала голова огромного пушистого кота.

— Что за задержка? — раздражённо осведомился он у капрала тоном человека, привыкшего, что ему отвечают немедленно. — Я спешу, у меня неотложные дела государственной важности.

Капрал поднял глаза от объявления, перевёл взгляд на пассажира, и лицо его постепенно вытянулось, а челюсть отвисла. Он моргнул, протёр глаза, сравнил ещё раз острую бородку, тонкие губы и пронзительный взгляд, после чего набрал полную грудь и заорал на всю заставу:

— Он! Это он! Особо опасный колдун! Хватайте его, ребята, пока не наколдовал чего!

Стражники ринулись к экипажу. Кот в корзинке зашипел, пассажир в сером побагровел, а Полина рядом со мной издала звук, похожий на сдавленное хрюканье, потому что она тоже узнала лицо на портрете.

— Да вы знаете, кто я такой?! — загремел мужчина, отбиваясь от рук стражников. — Я кардинал! Я его высокопреосвященство! Немедленно отпустите меня, болваны, иначе я сгною вас всех на галерах!

— Ага, а я королева Мелисента, — хохотнул капрал, заламывая ему руку. — Ты, колдун, на портрет-то глянь! Вылитый ты, только без усов. Усы, небось, наколдовал сбрить, чтоб не узнали!

Кардинала, кота и корзинку выволокли из экипажа и потащили к караульне, а он уже в дверях обернулся, и его пронзительный взгляд, скользнув по толпе, на мгновение задержался прямо на мне.

Глава 5

Ночлег на сеновале

Взгляд кардинала задержался на мне ровно на один удар сердца, и за этот удар я успел вспотеть, замёрзнуть, мысленно составить завещание и пожалеть, что в прошлой жизни так и не выучил ни одной молитвы целиком. Потом дверь караульни захлопнулась, отрезав от нас его высокопреосвященство вместе с котом, корзинкой и громогласными обещаниями сгноить всех на галерах, и я наконец выдохнул.

— Он вас запомнил, барон, — тихо сообщила Аделаида, не поворачивая головы. — Такие люди запоминают лица с первого взгляда и не забывают их до самой смерти. Обычно до чужой.

— Пусть запоминает, сударыня, — так же тихо ответил я. — На портретах, слава мэтру Пикуру, теперь его собственное лицо. Если он кого-то и начнёт искать, то разве что себя в зеркале.

Полина поперхнулась смешком, прыснула в гриву своей хромой кобылы, и плечи её мелко затряслись. Ариана, напротив, сохраняла самый благочестивый вид и только едва заметно шевелила губами, словно молилась. Я прислушался и разобрал: «Господи, благослови мэтра Пикура и пошли ему ещё кружку».

У ворот тем временем творилось настоящее светопреставление. Стражники, воодушевлённые поимкой особо опасного колдуна, решили, что где один колдун, там и целая шайка, и принялись хватать всех, кто хоть отдалённо походил на портрет. Под подозрение попали тощий аптекарь с бородкой клинышком, торговец рыбой, у которого были усы, пусть и не до колен, и даже чей-то козёл, отличавшийся, по мнению капрала, крайне подозрительным выражением морды. Аптекарь вопил, торговец рыбой отбивался селёдкой, козёл бодал всех без разбору, и очередь у ворот превратилась в бурлящий котёл, из которого то и дело вылетали шляпы.

— Сейчас, — шепнул я, подталкивая Карамболя вперёд. — Пока им не до нас.

Мы двинулись к воротам, держась плотной кучкой и стараясь выглядеть как можно скучнее, как семейство небогатых паломников, возвращающихся с богомолья. Аделаида надвинула капюшон на самые глаза, Ариана держала перед собой молитвенник, Полина вела под уздцы хромую кобылу, а я шагал рядом с Карамболем, который брёл с завязанными глазами и выражением мученика, ведомого на казнь.

До ворот оставалось всего ничего, когда случилось то, чего я боялся больше всего. Карамболь чихнул. Чих вышел вселенского масштаба: у мула дёрнулась вся голова, заплясали уши, и тряпица, которой мы завязали ему глаза, сползла на нос. Карамболь моргнул, огляделся и увидел то, что видеть ему категорически не следовало. На пороге распахнутой караульни валялась кардинальская шапочка, сбитая с головы его высокопреосвященства в пылу задержания. Алый бархат горел в закатных лучах, как спелая вишня. Мул замер. Уши его плавно легли назад, ноздри раздулись, и из груди вырвался низкий утробный рёв, от которого стражник у ворот выронил алебарду.

— Нет, — простонал я, вцепляясь в повод обеими руками. — Нет, нет, только не сейчас, дружище, это же святыня, тебя за неё отлучат от церкви!

Карамболь рванул. Я повис на поводе, проехал на каблуках добрую сажень по булыжнику и понял, что с тем же успехом можно было ловить за край сорвавшуюся с горы лавину. Полина бросила свою кобылу, кинулась мне на помощь и ухватилась за упряжь с другой стороны, и некоторое время мы с ней и Карамболем неслись к караульне, как диковинная колесница, запряжённая не в ту сторону.

— Барон, отпустите его! — крикнула Аделаида. — Пусть бежит, мы его потом найдём!

— Если отпущу, он сожрёт шапочку вместе с кардиналом! — прохрипел я. — А нам это зачтут как покушение!

Нас спасла Ариана. Она каким-то непостижимым образом опередила мула, оказалась у самого порога караульни, наклонилась, подхватила алую шапочку и с кроткой улыбкой сунула её за пазуху, под складки дорожного плаща. Карамболь, лишившийся цели, затормозил так резко, что я врезался носом ему в круп, а Полина, не удержавшись на ногах, повалилась прямо на меня, и мы оба растянулись на мостовой. Мул озадаченно потоптался, обнюхал пустой порог, где только что алела шапочка, фыркнул, развернулся и с видом существа, которое забыло, зачем вообще пришло, побрёл обратно к воротам.

Капрал с бородавкой всё это время не сводил с нас глаз, и я уже приготовился объяснять, почему наш мул бросается на кардинальские шапочки, однако капрал истолковал увиденное по-своему.

— Ишь ты, — уважительно протянул он. — Даже скотина колдуна чует. Чистая душа, сразу видать, божья тварь. Проходите, добрые люди, проходите, нечего вам тут делать, у нас тут колдовство.

Нас пропустили без единого вопроса. Даже не взглянули на лица. Только когда застава осталась далеко позади, а нас со всех сторон окружили кривые улочки предместья, Полина, всё ещё отряхивающая юбку от пыли, не выдержала и расхохоталась так, что из окна ближайшего дома высунулась сердитая старуха в чепце.

— Ариана, ты украла шапочку у кардинала! — простонала Полина, держась за бока. — У самого кардинала! Да за такое на дыбу вздёргивают!

— Я её не крала, — кротко возразила Ариана, поправляя складки плаща. — Я её спасла от поругания. Это совершенно разные вещи, Полина, и любой богослов тебе это подтвердит. Кроме того, она очень мягкая и тёплая. Из неё выйдет прекрасная грелка для ног.

Аделаида закрыла лицо ладонью и долго не отнимала её, и мне показалось, что плечи графини подрагивают. Если это был смех, то первый, который я от неё слышал. Если нет, то, вероятно, это было отчаяние человека, связавшего свою судьбу с компанией сумасшедших.

Предместье, куда мы попали, оказалось лишь прихожей Лютеции, тесной и шумной, где вдоль дороги лепились лавчонки, кузницы, кабаки и постоялые дворы, а за ними, вдалеке, поднимались к небу шпили настоящей столицы. До городских стен было ещё не меньше часа пути, а солнце уже садилось, и я, взглянув на усталые лица моих спутниц и на хромающую кобылу Полины, принял решение, которое на складе назвали бы оптимизацией логистической цепочки.

— Ночуем здесь, — объявил я. — В город въедем утром, со свежими силами. Если кардинала отпустят ночью, он поднимет на ноги всю гвардию, а искать нас в предместье ему придёт в голову разве что к обеду.

С ночлегом вышла незадача. Завтра в столице открывалась большая осенняя ярмарка, и все постоялые дворы предместья были забиты купцами, крестьянами, бродячими торговцами и их скотиной, так что на нас глядели как на безумцев, вознамерившихся снять комнату в королевском дворце. В одном месте нам посоветовали переночевать в собачьей будке, если договоримся с собакой. В другом хозяин, окинув взглядом Полину, пообещал ей кровать бесплатно, при условии, что она разделит её с ним, и Полина, ласково улыбнувшись, предложила ему в ответ разделить с знакомство с её кулаком, после чего мы спешно ретировались.

Наконец в самом конце улицы, на постоялом дворе под вывеской «Сонная гусыня», хозяйка, дородная тётка в засаленном переднике, сжалилась над нами.

— Комнат нету, сударь, хоть убей, — развела она руками. — Даже чулан сдала, лудильщику с женой. Но если не побрезгуете, могу пустить на сеновал над конюшней. Сено свежее, нынешнего укоса, мыши смирные, а коровы внизу тёплые, греют не хуже печки. Возьму недорого.

Аделаида поморщилась так, словно ей предложили ночевать в выгребной яме, однако выбора не было, и она кивнула.

Сеновал оказался просторным чердаком под соломенной крышей, где всё дышало свежим сеном, летним лугом и коровьим навозом, поднимавшимся снизу сквозь щели в половицах. Сено лежало высокими мягкими копнами, сквозь крошечное оконце под самым коньком лился розовый закатный свет, и в этом свете кружились золотые пылинки. Внизу сонно вздыхали коровы, хрустел овсом Карамболь, а хромая кобыла Полины, которой хозяйка приложила к ноге компресс из капустного листа, тихо пофыркивала в своём углу.

— А здесь даже уютно, — заметила Полина, с размаху падая спиной в ближайшую копну, так что сено взметнулось вокруг неё облаком. — И места много. И никаких ширм, никаких ковриков у двери. Барон, вы ведь не станете на этот раз спать у порога? Здесь и порога-то нет.

— Барон будет спать в дальнем углу, — холодно отрезала Аделаида. — А мы здесь, у оконца. Между нами останется вот эта копна, и она будет считаться крепостной стеной.

— А если барон пойдёт на штурм? — промурлыкала Полина.

— Тогда я встречу его у ворот, — пообещала Аделаида и положила руку на рукоять шпаги.

Она пошатнулась, произнося это, и ухватилась за балку. Я только сейчас заметил, как она бледна. Повязка на её рукаве, пропиталась кровью и потемнела, а пальцы руки, свисавшей вдоль тела, мелко подрагивали.

— Сударыня, вашу руку нужно перевязать заново, — проговорил я, делая шаг к ней. — Повязка сбилась, а если рана воспалится, никакая шпага вам уже не поможет.

— Ариана перевяжет, — бросила Аделаида, не глядя на меня.

Ариана, однако, уже свернулась клубочком в соседней копне, натянув на голову украденную кардинальскую шапочку, как ночной колпак, и сладко посапывала, держа молитвенник на груди. Полина, сделав вид, что ничего не слышала, тоже закрыла глаза и демонстративно захрапела, правда, храп у неё получался подозрительно мелодичным.

Аделаида поджала губы, обвела взглядом подруг, затем меня, и наконец со вздохом опустилась на сено у оконца.

— Хорошо, барон, — процедила она. — Только быстро и молча.

Я пристроился на коленях рядом с ней, достал из сумки чистую рубаху, которую берёг на случай торжественного въезда в столицу, и разорвал её на полосы. Аделаида расстегнула колет, высвободила из рукава раненую руку и сидела, глядя прямо перед собой, в оконце, на гаснущий закат.

Под колетом на ней была лишь батистовая сорочка, такая прозрачная, что на свету сквозь неё проступали узкие плечи, хрупкая шея и маленькая высокая грудь, которая поднималась и опускалась часто-часто, слишком часто для женщины, позволившей всего лишь перевязать себе руку. Я заставил себя глядеть только на рану. Это было трудно. Это было невыносимо трудно, потому что рана находилась чуть выше локтя, и чтобы добраться до неё, мне пришлось закатать рукав сорочки почти до плеча, обнажив белую руку с голубоватыми венками у сгиба.

Я размотал старую повязку. Порез был длинным, но неглубоким, края его уже начали стягиваться, и я облегчённо выдохнул. Смочил полосу ткани в вине из фляги, которую Полина предусмотрительно стащила в таверне, я осторожно промыл рану. Аделаида не издала ни звука. Только её пальцы стиснули сено так, что оно захрустело, а ресницы дрогнули и замерли.

— Если больно, сударыня, можете ругаться, я никому не скажу, — тихо предложил я.

— Графини не ругаются, барон, они терпят, — произнесла она сквозь стиснутые зубы.

Я начал накладывать повязку, виток за витком, стараясь не стягивать слишком туго, и каждый раз, когда мои пальцы касались её, она едва заметно вздрагивала. Кожа у неё была прохладной, гладкой, как атлас, а на сгибе локтя такой нежной, что мне хотелось провести по ней губами. Я не провёл. Я затянул узел, расправил рукав сорочки и только тогда поднял глаза.

Аделаида больше не глядела в оконце на закат. Она глядела прямо на меня, и в её тёмных глазах стояло что-то такое, чего я не видел в них прежде: растерянность, беззащитность и ещё

что-то, очень глубоко, под толщей льда, тёплое и пугливое, как огонёк свечи за морозным стеклом.

— Тот человек в чёрном, — проговорил я негромко. — Вы его знаете, сударыня.

Огонёк погас мгновенно. Лёд сомкнулся, глаза её снова стали холодными и пустыми, и она отдёрнула руку, торопливо натягивая колет.

— Благодарю за перевязку, барон, — ровно произнесла она. — Вы очень ловки для провинциального дворянина. А теперь будьте любезны отправиться в свой угол. Крепостная стена вас ждёт.

Я отправился в свой угол. Ночь опустилась на сеновал тёплая и густая. Внизу переступали с ноги на ногу коровы, где-то в предместье лаяла собака, с ярмарочной площади доносились пьяные песни. Я лежал в копне, закинув руки за голову, и глядел в темноту под соломенной крышей, где поблёскивали в лунном свете паутинки, и думал о том, что за последние несколько дней моя жизнь превратилась в нечто совершенно невообразимое. Ещё недавно я сидел в офисе, ругался с поставщиками и считал паллеты. А теперь лежал на сеновале в чужом мире, в чужом теле, в компании трёх девиц, каждая из которых сводила меня с ума по-своему.

Сено рядом со мной зашуршало. Я напрягся, ожидая, что это Полина пришла продолжить ночную проверку гравуанской выдержки. Однако фигура, проскользнувшая ко мне в темноте, была тоньше Полины и куда ниже ростом, и на голове у неё что-то смешно топорщилось, отчего силуэт напоминал гриб.

— Не пугайтесь, барон, это всего лишь я, — шепнул мне на ухо кроткий голосок Арианы. — Я пришла проверить вашу повязку. Ту, что накладывала вам на руку в таверне. Перевязки нужно проверять на ночь, иначе в рану проникают дурные соки.

Она опустилась рядом со мной на сено, и кардинальская шапочка у неё на голове съехала набок.

— Сударыня, повязка в полном порядке, — пробормотал я. — Я проверял её сам, перед сном.

— Мужчины никогда не умеют правильно проверять повязки, — возразила Ариана с мягкой укоризной. — Дайте руку.

Я протянул руку. Ариана взяла её в свои маленькие тёплые ладони и принялась ощупывать повязку на моём запястье с таким сосредоточенным видом, как изучают древний манускрипт. Затем её пальчики, будто невзначай, скользнули с повязки выше, по предплечью, к локтю, к плечу, легко, почти невесомо, и у меня по коже побежали мурашки.

— Видите ли, барон, — зашептала она тоном учёного монаха, читающего лекцию, — в трактате одного весьма почтенного лекаря написано, что кровь от раны на руке может застаиваться в других частях тела. Особенно если тело молодое и полное сил. Вот здесь, например. — Её ладонь легла мне на грудь. — Сердце бьётся слишком часто. Это дурной знак. А здесь… — Ладонь скользнула ниже, на живот, и мышцы под ней непроизвольно сжались. — Здесь всё напряжено, как тетива. Это очень, очень дурной знак, барон. Кровь застоялась. Её нужно разогнать.

— Сударыня, — хрипло выдохнул я, — мне кажется, этот лекарь был не вполне почтенным.

— Он был монахом, — невинно возразила Ариана. — Очень учёным монахом. Он провёл много опытов на послушницах и описал их во всех подробностях, с рисунками. Я переписала себе его трактат целиком. Мне кажется, у вас, барон, именно тот случай, который описан в главе о застое молодой крови.

Её ладонь двинулась ещё ниже, к поясу штанов, и замерла там, лёгкая и тёплая. Я перестал дышать. Ариана наклонилась ко мне, так близко, что я чувствовал на щеке её дыхание, сладкое, с привкусом яблок, которые она грызла за ужином. Её губы почти касались моего уха.

— Лекарь пишет, что в таких случаях помогает поцелуй, — прошелестела она. — В определённое место. Он даже нарисовал, в какое именно. Хотите, я покажу?

Я не успел ответить. Её губы коснулись моей шеи, мягко, влажно, и скользнули ниже, к плечу, оставляя за собой горячую дорожку, и вся кровь в моём теле, застоявшаяся она или нет, разом рванулась туда, где замерла её ладонь. Ариана тихонько ахнула. Её пальцы дрогнули, легонько сжались сквозь ткань, и я понял, что учёный монах, кем бы он ни был, описал этот случай удивительно точно.

Я повернул голову и нашёл губами её губы. Они оказались мягкими и податливыми, и Ариана ответила на поцелуй с таким умением, какому в монастырях явно не учат. Её язык, дерзкий и быстрый, скользнул по моим губам, а пальцы уже отыскали завязки моих штанов…

И тут снизу, из конюшни, раздался рёв. Карамболь ревел так, словно увидел целую армию кардиналов в алых сутанах. Коровы проснулись и замычали хором, лошади заржали, собака на дворе зашлась лаем, и с другой стороны сеновала, из-за крепостной стены, донёсся сонный и злой голос Аделаиды:

— Что там ещё?!

Ариана отпрянула от меня мгновенно. В лунном свете я увидел, как она торопливо поправляет на голове кардинальскую шапочку, складывает ладони и закатывает глаза к небу с самым благочестивым видом.

— Это бесы, сестра, — громко и печально сообщила она. — Бесы мучают бедное животное. Я как раз читала над бароном молитву от бесов, они и к нему подбирались. Сейчас пойду почитаю и над мулом.

Она бесшумно скользнула к лестнице, ведущей в конюшню, и исчезла. Я остался лежать в сене, с распущенными завязками на штанах, бешено колотящимся сердцем и твёрдым убеждением, что монахи, по трактатам которых учатся такие ангелы, заслуживают отдельного котла в преисподней. С другой стороны крепостной стены донёсся тихий, задушенный смех. Полина, кажется, тоже не спала.

Когда первые серые лучи пробились под соломенную крышу, я поднялся, отряхнул с себя сено и выглянул на улицу. Предместье просыпалось. Внизу хозяйка уже гремела чугунками и на всю округу бранила заспанного поварёнка. По дороге тянулись к городским воротам первые возы с ярмарочным товаром, скрипели колёса, мычали коровы, перекрикивались возницы. У ворот «Сонной гусыни», прямо под нами, остановился всадник. Высокий, в чёрном плаще с низко надвинутым капюшоном, на вороном коне. Не спешиваясь, он наклонился с седла к хозяйке, которая как раз выплёскивала у ворот ведро с помоями, и о чём-то спросил её негромко. Хозяйка пожала плечами и махнула рукой в сторону городских ворот, а всадник, перед тем как тронуть коня, неспешно повернул голову к сеновалу.

Сквозь утренний полумрак я не мог разглядеть его лица. Только тень под капюшоном и белую полоску улыбки. За моей спиной зашуршало сено. Аделаида остановилась рядом со мной, бледная до синевы, с распущенными тёмными волосами и шпагой в руке, и её ледяные пальцы судорожно сжали мою ладонь. Всадник тронул коня и поехал прочь, к городу, не оглядываясь.

— Это он, барон, — прошептала Аделаида, и голос её дрожал. — Он едет в Лютецию. Туда же, куда и мы.

Глава 6

Капитан без денег

Лютеция обрушилась на меня грохотом колёс по булыжнику, криками разносчиков, перезвоном колоколов и такой толчеёй, что даже Карамболь, повидавший на своём веку немало, притих и прижал уши. Столица оказалась огромной и оглушительно шумной, словно все жители королевства разом решили переселиться в неё и теперь выясняли, кому где стоять. Над крышами торчали шпили соборов, по узким улочкам текли потоки телег, карет, носильщиков и свиней, а с балконов то и дело выплёскивали содержимое ночных горшков с таким воодушевлением, что прохожие передвигались зигзагами, задрав головы к небу.

У фонтана на Цветочной площади нам предстояло расстаться. Дорога девушек лежала налево, ко дворцу, где их ждала королева Мелисента, а моя направо, к казармам мушкетёров на улице Медных Котлов. Мы остановились у края фонтана, и я вдруг поймал себя на том, что прощаться мне совершенно не хочется, хотя знакомы мы были всего ничего, а неприятностей за это время я нажил больше, чем за всю прошлую жизнь. Аделаида спешилась первой, подошла ко мне и протянула сложенный аккуратным квадратиком платок из тонкого батиста, вышитый в уголке чёрной монограммой.

— Для вашей руки, барон, — произнесла она ровным голосом, глядя куда-то поверх моего плеча. — Повязку пора сменить, а этот платок чистый. Не воображайте, будто это знак расположения, я просто терпеть не могу оставаться в долгу.

Я принял платок, и пальцы наши на мгновение соприкоснулись. Её рука была прохладной, моя, видимо, слишком горячей, потому что Аделаида отдёрнула ладонь так, словно обожглась, и щёки её тронул едва заметный румянец, который она тут же спрятала, отвернувшись к лошади.

Ариана подошла следом, кротко опустив глаза, и вложила мне в нагрудный карман свёрнутый в трубочку листок.

— Молитва на удачу, барон, — шепнула она. — Прочтите её перед сном, когда останетесь наедине с собой. Это очень важно для её действенности.

Полина дарить ничего не стала. Она просто шагнула ко мне, обхватила обеими руками за шею, прижалась всем своим пышным горячим телом так, что у меня перехватило дыхание, и поцеловала прямо в губы, глубоко и жадно, не стесняясь всей Цветочной площади. Её высокая грудь вжалась в мою, бёдра прильнули к моим бёдрам, а ладонь, скользнув по спине, бесстыдно опустилась на ягодицу и крепко её сжала. Цветочницы у фонтана ахнули, какой-то торговец уронил корзину с репой, а Карамболь одобрительно фыркнул. Когда Полина наконец меня отпустила, я едва держался на ногах, а она облизнула губы с видом кошки, укравшей сливки.

— Это задаток, барон, — промурлыкала она. — Остальное получите, когда разбогатеете. Или когда мне надоест ждать, что, скорее всего, случится гораздо скорее.

Аделаида с каменным лицом взяла подругу под локоть и повела к лошадям, а Ариана на прощание оглянулась через плечо и улыбнулась мне так невинно, что я сразу понял: листок в кармане лучше не разворачивать при свидетелях.

Я, конечно, не удержался и развернул его, едва девушки скрылись за поворотом. Молитва оказалась стихотворением, причём таким, что я покраснел до корней волос, а проходивший мимо монах, случайно заглянувший мне через плечо, перекрестился и бросился прочь, бормоча что-то об антихристе. В стихотворении подробно описывалось, чем занимается рыцарь со своей дамой после победы на турнире, и занимался он этим с такой фантазией, что составители современных пособий для взрослых могли бы поучиться у безымянного автора. Внизу аккуратным почерком было приписано: «Читать по вечерам, для укрепления духа».

Казармы мушкетёров располагались в старом особняке, который когда-то принадлежал разорившемуся маркизу. Ворота покосились, штукатурка облупилась, во дворе гуляли куры, а у входа висела вывеска «Рота королевских мушкетёров его величества», под которой кто-то углём дописал «и долговая яма». Во дворе толпились молодцы в синих плащах с вышитым серебряным солнцем на спине, фехтовали, играли в кости, чистили мушкеты и орали друг на друга с энтузиазмом, свидетельствовавшим о прекрасном здоровье и полном отсутствии дисциплины.

Я привязал Карамболя у коновязи, предварительно убедившись, что поблизости нет ничего красного, и спросил у первого попавшегося мушкетёра, где найти капитана де Брак-мона. Мушкетёр, долговязый парень с перевязанной щекой, молча ткнул пальцем в сторону особняка, откуда как раз донёсся рёв, от которого с крыши вспорхнули голуби.

— Где мой кошелёк?! — гремел этот рёв под грохот опрокидываемой мебели. — Кто украл мой кошелёк?! Я перевешаю всю роту, я сгною вас на гауптвахте, я заставлю вас чистить конюшни до Страшного суда, если мой кошелёк немедленно не окажется у меня в руках!

Я поднялся по скрипучей лестнице и заглянул в распахнутую дверь кабинета. Посреди комнаты, заваленной бумагами, сапогами, пустыми бутылками и сёдлами, бушевал немолодой коренастый мужчина с широкими плечами, багровым лицом и седыми усами, которые топорщились, как щётка. Одет он был в роскошный, хотя и сильно поношенный камзол, на боку болталась длинная шпага, а на поясе, прямо под рукой, висел туго набитый кожаный кошелёк.

Капитан как раз выворачивал карманы молоденького мушкетёра, стоявшего навытяжку с выражением мученика на лице. Не найдя в них ничего, кроме огрызка яблока и любовной записки, он отшвырнул записку, швырнул огрызок в окно и развернулся ко мне.

— А ты кто такой?! — заорал он, брызжа слюной так обильно, что мне пришлось уклониться. — Новенький? Где мой кошелёк, новенький?! Выворачивай карманы!

Опомниться я не успел, а капитан уже запустил руки в мои карманы, выудил оттуда платок Аделаиды, стихи Арианы, медную монетку и пуговицу и уставился на эту добычу с глубоким разочарованием.

— Господин капитан, позвольте заметить, — осторожно начал я, указывая на его пояс. — Ваш кошелёк висит у вас на боку, слева, рядом со шпагой.

Капитан опустил взгляд, нащупал кошелёк, взвесил его в ладони и уставился на него с таким изумлением, словно тот только что свалился к нему с неба.

— Ну надо же, — озадаченно пробормотал он. — А я его с самого утра ищу. Ты кто таков, глазастый?

Я протянул ему письмо отца. Капитан развернул его, пробежал глазами, и лицо его по мере чтения сменило целую череду выражений, начав с подозрительности, перейдя к умилению, полыхнув яростью и закончив оглушительным хохотом.

— Старый пройдоха де Ворон! — загрохотал он, хлопая себя по колену так, что оно, вероятно, онемело. — Жив ещё, старый лис! Пишет, чтобы я принял тебя в роту и не давал жениться на дочерях кредиторов! Да он сам мне до сих пор должен за ту маркитантку, Жанетту, будь она неладна! Знаешь ли ты, щенок, что твой отец увёл у меня из-под носа самую красивую женщину во всём полку, а потом ещё и занял у меня денег, чтобы купить ей ленту?! Так что ты, считай, явился ко мне с наследственными обязательствами!

— Я готов оплатить родительские счета верной службой, господин капитан, — нашёлся я.

Капитан перестал смеяться, прищурился и окинул меня оценивающим взглядом с ног до головы, задержавшись на ржавой шпаге.

— В роту ко мне просятся многие, юнец, — проворчал он. — Беру я лишь тех, кто умеет обращаться с клинком, а судя по этой ржавой кочерге, ты носишь её разве что для красоты. Пойдём во двор, поглядим, на что ты годен.

Слух о том, что новичка будут испытывать, разнёсся по казармам мгновенно, и когда мы спустились во двор, там уже собралась вся рота. Мушкетёры расселись на бочках, на телегах, на крыше конюшни и даже на заборе, а кто-то уже принимал ставки, причём, судя по выкрикам, ставили исключительно против меня.

— Испытание у нас простое, — объявил капитан, выходя в центр двора. — Ты выходишь против лучших клинков роты разом. Продержишься, пока я не крикну «хватит», считай, принят. Свалишься раньше, отправляйся обратно в свою глушь пасти коз. Д'Обиньяк! Гроссе! Ко мне!

Из толпы выступили мои противники. Шевалье д'Обиньяк оказался высоким красавцем с напомаженными локонами, тонкими усиками и улыбкой человека, привыкшего побеждать. Он небрежно поигрывал шпагой, выписывая ею изящные вензеля, и посылал кокетливые поцелуи на кончиках пальцев дамам, глазевшим на поединок из окон соседнего дома. Сержант Гроссе был его полной противоположностью: огромный, как платяной шкаф, с бритой головой, перебитым носом и ручищами толщиной с моё бедро. Шпаги у него не было, зато был тяжёлый тесак, которым, вероятно, удобно рубить дрова и вражеские головы.

Я сбросил камзол, вытащил из ножен свою шпагу, которую по дороге все же успел отчистить от ржавчины песком и уксусом, и занял позицию, стараясь не думать о том, что в фехтовании разбираюсь примерно так же, как в балете.

— Начали! — рявкнул капитан.

Д'Обиньяк атаковал первым, стремительно и элегантно, и в тот же миг в затылке у меня разлилось знакомое тепло. Перед глазами вспыхнула серебристая линия, уходящая от его клинка мне в правое плечо, а следом другая, тяжёлая и широкая, тянувшаяся от тесака Гроссе к моей голове. Линии сходились в общей точке, и дар предвидения подсказывал мне, что противники привыкли действовать слаженно и собираются зажать меня в клещи.

Я сделал то, что подсказывали опыт самбо и здравый смысл менеджера по логистике, всегда ищущего кратчайший путь между пунктами доставки. Шагнул в сторону, прямо под руку Гроссе, пропустил мимо себя клинок д'Обиньяка и подставил под удар широкую спину сержанта. Шпага красавца шевалье чиркнула Гроссе по кожаной куртке, сержант взревел от неожиданности, развернулся к обидчику, и пока они выясняли, кто кого ударил, я ухватил Гроссе за пояс и рукав, нырнул ему под мышку и бросил через бедро.

Сержант пролетел над двором, словно огромный мешок с зерном, и рухнул прямо на д'Обиньяка, подмяв его под себя вместе с напомаженными локонами, улыбкой и шпагой. Из-под горы мышц донёсся сдавленный писк, после чего всё стихло.

Двор онемел. Мушкетёры застыли на своих бочках с открытыми ртами, тот, кто принимал ставки, выронил шапку с деньгами, а капитан де Бракмон уставился на меня так, словно я превратился в единорога.

— Это что такое было? — выдавил он наконец. — Это какая же школа так дерётся? Шпагой колют, юнец, колют! Людьми швыряются только черти в преисподней, и то по большим праздникам!

— Это гравуанская школа, господин капитан, — отозвался я, опуская шпагу. — У нас в провинции считают, что противника лучше уронить, чем проткнуть. Уроненный поднимается и остаётся в строю, а проткнутого приходится хоронить, это расходы.

Капитан захохотал так, что с него слетела шляпа.

— Расходы! — ревел он, утирая глаза. — Вы слышали, бездельники?! Расходы! Наконец-то в моей роте появился человек, который думает о расходах!

Гроссе тем временем поднялся с земли, отряхнулся, помог подняться помятому д'Обиньяку и протянул мне огромную лапищу.

— Научишь так кидать, гравуанец? — прогудел он без малейшей обиды. — Я бы так кидал кардинальских красных плащей, им бы понравилось.

— Особенно если в навоз, сержант, это у них, как я успел убедиться, любимое, — заверил я, пожимая руку, которая чуть не раздавила мне пальцы.

Капитан, отсмеявшись, повёл меня обратно в кабинет и швырнул на стол толстую потрёпанную книгу в кожаном переплёте.

— Раз ты такой умный, юнец, вот тебе ещё одно испытание, — проворчал он, плюхаясь в кресло, которое жалобно скрипнуло. — Это полковая казна. Я давно уже пытаюсь понять, куда деваются деньги, которые его величество выделяет на роту. Каждый месяц выходит так, что я должен всем, а мне никто. Разберёшься, оставлю в роте, не разберёшься, поедешь пасти коз всё равно.

Я раскрыл книгу. Записи в ней велись так, словно составлял их пьяный осьминог, вооружённый пером в каждом щупальце. Суммы были вписаны то цифрами, то словами, то рисунками, на полях красовались кляксы и пометки вроде «отдал Жаку или Пьеру, не помню» или «на вино, но вино было плохое, поэтому не считается». Я засучил рукава и принялся за работу, мысленно благодаря судьбу за годы, проведённые в обществе накладных и складских ведомостей.

Пока капитан, изнывая от нетерпения, мерил шагами кабинет, искал свою шляпу, висевшую у него на спинке кресла, и снова выворачивал карманы у пробегавших мимо мушкетёров, я составил на чистом листе таблицу. Слева записал всё, что рота получила из казны, справа всё, что потратила, а посередине всех, кому капитан давал в долг без расписок. Последний столбец оказался самым длинным. Капитан, как выяснилось, ссужал деньгами добрую часть роты, кредиторов, трактирщиков, своих бывших возлюбленных и даже епископа, а потом начисто забывал об этом, потому что никогда ничего не записывал.

— Господин капитан, у меня для вас хорошая новость, — объявил я, когда последняя строчка встала на место. — Вы никому не должны. Наоборот, это вам должны, причём весьма прилично. Если собрать все долги, роте хватит на новые плащи, на мушкеты и даже на починку ворот, а ещё останется на вино, причём на хорошее.

Капитан замер посреди кабинета с вывернутым карманом очередного мушкетёра в руках, выпустил его и уставился на мою таблицу так, словно перед ним лежала карта сокровищ.

— Это правда?! — прошептал он благоговейно. — Мне кто-то задолжал?! За всю жизнь со мной такого не случалось, я даже не знаю, что полагается делать в подобных случаях!

— Полагается взыскивать, господин капитан, — подсказал я, ткнув пальцем в таблицу. — Начнём вот с этого трактирщика с улицы Пекарей. А потом с епископа. Особенно с епископа.

Капитан де Бракмон хлопнул меня по плечу так, что я едва не уткнулся носом в стол, и объявил, что я принят в роту, назначен его личным помощником по денежным делам и вообще отныне считаюсь самым ценным человеком в казармах, после него самого и его кошелька.

****

В тот же вечер в другом конце города, в кабинете с тяжёлыми бархатными шторами и камином, где весело полыхал огонь, его высокопреосвященство кардинал сидел за огромным столом и не сводил глаз с листа бумаги, лежавшего перед ним. С листа на него глядело его собственное лицо, с острой бородкой, тонкими губами, пронзительным взглядом и усами до колен. Под портретом крупными буквами значилось: «Барон де Ворюга, особо опасный гравуанский колдун. Моет руки перед едой, водится с бешеным мулом».

Кардинал провёл ночь в караульне у городских ворот, откуда его вызволил только комендант, примчавшийся под утро в ночной рубашке. Огромный пушистый кот по кличке Монсеньор, единственное существо в королевстве, которое кардинал по-настоящему уважал, вспрыгнул на стол, улёгся прямо на портрет и замурлыкал, нежно трогая лапой нарисованные усы хозяина.

Напротив стола, стараясь занимать как можно меньше места, переминался с ноги на ногу лейтенант Гуффе. Он был отмыт, переодет и надушен с таким усердием, что у секретаря кардинала, брата Анселена, слезились глаза.

— Итак, лейтенант, позвольте мне подытожить, — произнёс кардинал голосом, полным бесконечного усталого терпения. — Вы поехали в таверну, напились, пристали к неизвестным девицам, после чего были побиты неизвестным бароном, девицей со шпагой, девицей с гусем, мулом и, как я понимаю, собственным кишечником, а затем выброшены в окно прямиком в навоз. Потом вы заказали портреты этого барона и разослали их по всем заставам, и теперь на всех заставах столицы висит моё лицо. С усами.

— Так точно, ваше высокопреосвященство, — пролепетал Гуффе. — Только моей вины тут нет, это всё художник. Его подкупили, ваше высокопреосвященство.

— И кто же, по-вашему, подкупил этого служителя муз?

— Барон де Ворюга, ваше высокопреосвященство.

Кардинал прикрыл глаза.

— Брат Анселен, — обратился он к секретарю, не открывая глаз. — Сколько у нас в королевстве баронов де Ворюга?

— Таких не значится, ваше высокопреосвященство, — доложил секретарь, сверившись с толстым гербовником. — Я проверил со всем тщанием. Есть бароны де Воронье, де Ворсак и де Ворон, но барона де Ворюги в гербовнике нет.

— Значит, — с расстановкой подытожил кардинал, — меня, первого министра королевства, человека, перед именем которого трепещут престолы соседних держав, засадил в каталажку несуществующий человек.

Он закрыл лицо ладонями и долго сидел так, не шевелясь. Гуффе боялся дышать, брат Анселен боялся моргать, и только кот Монсеньор продолжал мурлыкать, разглядывая портрет с явным одобрением.

— Господи, — глухо донеслось из-под ладоней кардинала. — Я ведь никогда не просил у Тебя богатства или долгой жизни. Пошли мне только кого-нибудь, кто умеет думать. Пусть он будет кривым или хромым, пусть даже гравуанцем, я согласен на всё.

******

Утром капитан де Бракмон вызвал меня к себе. На этот раз кошелёк лежал прямо перед ним на столе, а сам капитан выглядел мрачнее грозовой тучи.

— Вот что, де Ворон, — пробурчал он, барабаня пальцами по столешнице. — Раз ты такой умный и умеешь считать, у меня для тебя настоящее задание. Из королевских погребов кто-то ворует вино, причём много и самого лучшего, из запасов его величества. А виноватыми, как всегда, считают мушкетёров, потому что погреба охраняем мы. Король пригрозил, что если вор не найдётся до конца недели, он урежет нам жалованье выпивкой, а для моих ребят это хуже, чем урезать деньгами. Они же взбунтуются и разнесут всю Лютецию.

— Где находятся эти погреба, господин капитан? — уточнил я.

Капитан мрачно ткнул пальцем в план дворца, приколотый к стене.

— Под восточным крылом, прямо под покоями королевы. Там вчера поселили новых фрейлин.

Глава 7

Экзамен для фрейлин

Синий плащ с серебряным солнцем на спине, выданный мне ротным каптенармусом под расписку, сидел на мне так, словно его шили на медведя, а потом пытались ушить на цаплю. Капитан де Бракмон, оглядев меня с ног до головы, остался доволен и заявил, что в таком виде я похож на настоящего мушкетёра, если не присматриваться, а присматриваться к мушкетёрам во дворце всё равно никто не станет, потому что все заняты интригами. Затем он вручил мне алебарду, приставил ко мне в напарники надутого после вчерашнего поражения д'Обиньяка и отправил нести караул у покоев королевы, рассудив, что так мне будет удобнее присматриваться к погребам.

Королевский дворец оказался громадиной из светлого песчаника с бесконечными галереями, лестницами и переходами. На стенах висели гобелены с охотничьими сценами, а на расписных плафонах резвились пухлые амуры с такими откровенными намерениями, что я невольно вспомнил стихи Арианы. Повсюду сновали придворные в шелках и бархате, лакеи с подносами, пажи с записками и собачками на шёлковых поводках, и всё это шуршало, перешёптывалось, хихикало с таким усердием, что у меня зазвенело в ушах.

— Тут у каждой стены уши, гравуанец, а у каждых ушей свой хозяин, — снисходительно просветил меня д'Обиньяк, когда мы заняли пост у резных дверей королевской приёмной. — Добрая часть этих дам шпионит для кардинала, прочие шпионят за теми, кто шпионит. Её величество на прошлой неделе выгнала своих фрейлин разом, когда выяснилось, что они пересказывали кардиналу каждое её слово, вплоть до того, что она ела на завтрак и в какой сорочке спала. Сегодня как раз смотрины, — ухмыльнулся д'Обиньяк, подкручивая усики. — Со всего королевства съехались благородные девицы, у каждой рекомендательное письмо и маменька с приданым. Будет весело, вот увидишь, особенно когда дело дойдёт до Пуфика.

Выяснить, кто такой Пуфик, мне не довелось. Двери распахнулись, и в приёмную выплыла обер-гофмейстерина королевы, маркиза де Пюнтель, сухая, как прошлогодняя вобла, дама в чёрном бархате, с лицом, на котором навсегда застыло выражение человека, учуявшего дохлую мышь. Она сделала знак лакею, тот распахнул противоположные двери, и в зал вереницей потянулись претендентки.

Девиц было много, и все они разрядились так, словно собрались на собственную свадьбу. Повсюду колыхались шелка и кружева, покачивались страусовые перья, поблёскивал жемчуг, щёки иных красавиц пылали румянами так густо, что напоминали спелые яблоки, а в высокой причёске одной из них, плыл кораблик под парусами. Позади девиц, словно конвой, двигались маменьки, шипящие наставления в спины дочерям. Среди этого великолепия я не сразу разглядел тех, кого искал глазами.

Аделаида была в тёмно-синем шёлке, строгом и безупречном, с открытыми плечами, над которыми поднималась её длинная белая шея, такая тонкая и гордая, что мне захотелось провести по ней губами снизу вверх, от ложбинки у основания до самого уха. Волосы её были убраны в гладкую причёску без единого украшения, и эта нарочитая простота смотрелась среди перьев и жемчугов как клинок среди кондитерских изделий.

Полина выбрала изумрудный бархат, который подчёркивал медь её кудрей и молочную белизну кожи, а вырез платья был таким глубоким и смелым, что пышная грудь буквально рвалась наружу и держалась внутри исключительно силой воли своей хозяйки. При каждом вздохе Полины кружевная оборка на вырезе приподнималась, и несколько придворных кавалеров у стены синхронно забывали дышать. Полина, проходя мимо меня, едва заметно повела плечом, отчего оборка совершила особенно рискованное движение, и подмигнула мне так, что д'Обиньяк рядом со мной поперхнулся.

Ариана была в белом, с кружевным воротничком под самое горло, с распущенными по плечам светлыми волосами и с молитвенником в сложенных руках, и выглядела так, словно её только что спустили с церковного витража на верёвочке. Маменьки других претенденток косились на неё с ненавистью, потому что на её фоне их дочери казались разукрашенными ярмарочными куклами.

Наконец в приёмную вошла королева Мелисента, и все склонились в поклонах. Её величество оказалась молодой женщиной с золотистыми волосами, нежным лицом, полными губами и усталыми глазами человека, который давно не высыпался и окружён людьми, мечтающими о его падении. Она то и дело касалась пальцами виска и морщилась, словно от яркого света. На руках королева держала собаку, при виде которой я понял, кто такой Пуфик.

Пуфик был мопсом, круглым, как пирожок, с приплюснутой мордой, выпученными глазами и кружевным воротником, расшитым жемчугом. Он сопел, как закипающий чайник, свысока оглядывал присутствующих и всем своим видом показывал, что именно он здесь главный, а королева у него при дворе служит.

Испытание вела маркиза де Пюнтель, и вела его с таким удовольствием, с каким кошка играет с придушенной мышью. Сначала претенденткам велено было показать придворный реверанс, и уже на этом этапе ряды их заметно поредели. Одна девица наступила на собственный подол и рухнула прямо на маменьку, другая присела так низко, что не смогла подняться и была унесена лакеями, а у обладательницы кораблика в причёске мачта зацепилась за подвеску люстры, и девица повисла на ней, болтая туфельками, пока её не сняли.

Аделаида исполнила реверанс так безупречно, что маркиза де Пюнтель поджала губы от досады. Колено согнулось ровно настолько, насколько требовал этикет, спина оставалась прямой, взгляд опустился точно к туфелькам королевы, а подол синего шёлка лёг вокруг неё идеальным кругом.

— Недурно, — процедила маркиза, явно надеясь подловить её на чём-нибудь ещё. — Скажите, сударыня, кому на королевском выходе полагается идти первой, герцогине без титулованного мужа или супруге маршала, получившей титул недавно?

— Герцогине, госпожа маркиза, ибо её титул принадлежит роду, тогда как маршальский принадлежит человеку и уходит вместе с ним, — без малейшей заминки отозвалась Аделаида. — Впрочем, супруга маршала может пойти первой, если герцогиня зазевается, а на королевских выходах, насколько я слышала, зевают куда чаще, чем следят за порядком.

Королева тихонько хмыкнула, и маркиза побагровела.

Затем её величество пожелала узнать о семьях претенденток. Девицы по очереди рассказывали о своих отцах, замках, поместьях и приданом, причём каждая старалась перещеголять предыдущую, пока очередь не дошла до Полины.

— Род Брассаков, ваше величество, древний и богатый, как сама земля, — начала она с таким воодушевлением, что изумрудный бархат на её груди заходил ходуном. — В нашем фамильном замке водостоки отлиты из чистого золота, ворота из серебра, а во дворе стоит фонтан, из которого по праздникам бьёт вино. Лошадей мы кормим только отборным изюмом, у них от этого шерсть блестит, как атлас. А недавно отец выписал из заморских стран слона, так тот теперь пасётся у нас в саду и ест исключительно персики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.